

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»
Институт иностранных языков
Кафедра английского языка, методики и переводоведения

**Ирония в рассказах Джеффри Арчера, Грэма Грина
и Уильяма Сомерсета Моэма**

Выпускная квалификационная работа

Исполнитель:

Куртина Оксана Алексеевна
студент 401 группы

Квалификационная работа
допущена к защите:

подпись

Руководитель ОПОП
44.03.01 – Педагогическое образование

Научный руководитель:
Шехтман Наталия Георгиевна
к. ф. н, доцент

Профиль: иностранный язык (английский)

подпись

«_____» _____ 2016 г

Зав. кафедрой

«_____» _____ 2016 г

Екатеринбург 2016

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИРОНИИ.....	6
1.1. Ирония в художественной литературе.....	6
1.2. Виды иронии.....	20
Выводы по главе 1.....	28
ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИРОНИИ В КОРОТКИХ РАССКАЗАХ ДЖЕФФРИ АРЧЕРА, ГРЭМА ГРИНА И УИЛЬЯМА СОМЕРСЕТА МОЭМА.....	29
2.1. Ирония в зависимости от уровня языка.....	29
2.2. Ирония в зависимости от функции в тексте.....	55
Выводы по главе 2.....	74
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	76
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	78
<i>Приложение 1</i>	82
<i>Приложение 2</i>	82
<i>Приложение 3</i>	84

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая выпускная квалификационная работа посвящена проблеме иронии в рассказах Джеффри Арчера, Грэма Грина и Уильяма Сомерсета Моэма. Ирония играет большую роль в мире художественной литературы, потому что она позволяет автору передавать свои мысли и эмоции в завуалированной форме, заставляя читателя самому искать ответы на поставленные в тексте вопросы и делать выводы с собственной точки зрения. Ирония влияет не только на функциональность текста, но и на его красоту и богатство. Таким образом, она вносит свой вклад в культурное наследие мировой художественной литературы.

Актуальность данного исследования определяется тем, что феномен иронии в произведениях данных авторов не раскрыт, и сами они пока малоизучены, в особенности Джеффри Арчер, являющийся писателем 21 века. В связи с этим существует потребность рассмотрения их работ именно в этом аспекте.

Целью выпускной квалификационной работы является выявление общих и специфических типов иронии и особенностей их функционирования в рассказах Джеффри Арчера, Грэма Грина и Сомерсета Моэма.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) Рассмотреть понятие иронии в художественной литературе.
- 2) Определить характеристики и виды иронии.
- 3) Отобрать и систематизировать корпус примеров, содержащих иронию, из рассказов Джеффри Арчера, Грэма Грина и Сомерсета Моэма.
- 4) Провести сопоставительный анализ функционирования иронии в рассказах данных авторов.

Объектом исследования является ирония как стилистический прием, **предметом** – типы иронии и особенности их функционирования в коротких рассказах Джеффри Арчера, Грэма Грина и Сомерсета Моэма.

Теоретическая значимость данного исследования состоит в систематизации теоретических основ исследования иронии в художественной литературе.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов при изучении стилистики и интерпретации текста.

Апробация исследования проводилась на базе Уральского государственного педагогического университета г. Екатеринбурга. Результаты исследования были представлены в форме доклада на VIII международной студенческой научно-практической конференции «Актуальные проблемы лингвистики и методики» в УрГПУ в 2016 г.

Новизна данного исследования состоит в том, что впервые работы Джеффри Арчера, Грэма Грина и Сомерсета Моэма анализируются и изучаются с точки зрения наличия и специфики употребления различных видов иронии.

Материалом для настоящего исследования были выбраны оригинальные тексты коротких рассказов Джеффри Арчера из сборника “The Collected Short Stories” (рассказы “The Loophole”, “Cheap at Half the Price”, “Checkmate”, “Christina Rosenthal”, “Clean Sweep Ignatius”, “Colonel Bullfrog”, “Just Good Friends”, “Never Stop on the Motorway”, “Old Love”, “One Man’s Meat...”, “Shoeshine Boy”, “The Hungarian Professor”, “The Luncheon”, “The Steal”, “You’ll Never Live to Regret It” – всего около 420 тыс. знаков), коротких рассказов Грэма Грина из сборника “21 stories” (рассказы “A Chance for Mr. Lever”, “A Day Saved”, “A Drive in the Country”, “A Little Place off the Edgware Road”, “Across the Bridge”, “Alas, Poor Maling”, “Brother”, “I Spy”, “Jubilee”, “Men at Work”, “Proof Positive”, “Special Duties”, “The Basement Room”, “The Blue Film”, “The Case for the Defence”, “The Destructors”, “The End of the Party”, “The Hint of an Explanation”, “The Innocent”, “The Second Death”, “When Greek Meets Greek” – всего около 340 тыс. знаков) и коротких рассказов Сомерсета Моэма из сборника “Sixty-Five Short Stories” (рассказы

“A Friend In Need”, “A Man From Glasgow”, “Flotsam and Jetsam”, “French Joe”, “Lord Mountdrago”, “Louise”, “Mabel”, “Mr Know-All”, “Princess September”, “Raw Material”, “Sanatorium”, “The Ant and the Grasshopper”, “The Closed Shop”, “The Colonel’s Lady”, “The Consul”, “The Dream”, “The Escape”, “The Facts of Life”, “The Promise”, “The Taipan”, “The Three Fat Women of Antibes”, “The Verger”, “The Voice of the Turtle” – всего около 400 тыс. знаков) на английском языке. На основе выбранного материала в рассмотренных рассказах всех трех авторов было выделено 150 примеров использования иронии, классифицированных по двум классификациям по три вида иронии в каждой.

Методологической основой для выпускной квалификационной работы послужили исследования русских и зарубежных лингвистов И.Р. Гальперина, В.И. Максимова, А.Н. Мороховского, К.М. Шилихиной, Т. Фостера, Р.К. Сингха и др., а также материалы справочных изданий и Интернет-ресурсов по стилистике, интерпретации текста и лингвистике.

Методы, использованные в ходе исследования:

- 1) сбор эмпирической информации;
- 2) описательный метод;
- 3) сравнительный метод;
- 4) метод контекстуального анализа.

Структура исследования. Данная выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка из 40 наименований, трех приложений, и занимает 77 страниц.

В **первой главе** описаны характеристики и виды иронии. Во **второй главе** рассматриваются виды иронии в контексте произведений Джеффри Арчера, Грэма Грина и Сомерсета Моэма, приводятся примеры по каждому виду и проводится их сопоставительный анализ.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИРОНИИ

1.1. Ирония в художественной литературе

В центре нашего исследования находится такой художественный прием, как ирония. Однако первую главу нашего исследования мы бы хотели начать с понятия «стилистический прием».

Стилистические приемы «эволюционировали» из выразительных средств; они сочетают общую смысловую нагрузку с определенной языковой формой, в результате чего проявляется стилистический эффект. Это похоже на алгоритм, используемый для экспрессивной цели. К примеру, взаимодействие или конфликт словарного и контекстуального значения слов рождает такие стилистические приемы, как метафора, метонимия и ирония. Природа столкновения в этих явлениях может быть основана на сходстве сущностей (как в случае с метафорой), близости по определенным критериям (что характерно для метонимии) или контрасте (что проявляется в иронии) [Знаменская 2008: 35].

Термин «ирония» произошел от древнегреческого “eironeia” – «отговорка», «притворство». Этот термин использовался философами с V в. до н. э. «для обозначения риторического приема “обмана” собеседника» [Розсоха 2010: 125]. Ирония является одним из древнейших явлений в лингвистике – ее описывали еще античные грамматисты и средневековые риторы. Первое определение иронии дал еще Аристотель. А.Н. Мороховский в своей книге приводит это определение: «такой вид смешного, когда мы говорим иначе, чем чувствуем» [Мороховский 1991: 162].

Современные лингвисты рассматривают иронию с другой стороны. «Ирония – тонкая, скрытая насмешка» [Ожегов 1999: 251]; И.В. Арнольд уточняет, что это «выражение насмешки путем употребления слова в значении, прямо противоположном его основному значению, и с прямо

противоположными коннотациями, притворное восхваление, за которым в действительности стоит порицание» [Арнольд 2002: 102].

«Ирония играет исключительно важную роль в эстетической и литературно-художественной системах произведения», считает Петрова О.Г. Она также добавляет, что ирония «представляет собой художественную форму авторской оценочной позиции, придает художественному произведению особую окраску, своеобразно раскрывает неудовлетворенность автора окружающим миром» [Петрова 2011: 25]. «Намек на притворство, “ключ” к иронии содержится обычно не в самом выражении, а в контексте или интонации; иногда – лишь в ситуации высказывания» [Зарецкая 2002: 269].

В.И. Максимов понимает под иронией «иносказание, в котором языковые выражения приобретают смысл, обратный буквально выраженному или отрицающий его». Он считает, что ирония отрицает и осмеивает явления, надев при этом маску одобрения и согласия, а самому явлению «приписываются свойства, которых заведомо у него быть не может». В качестве примера В.И. Максимов приводит басню Крылова и обращение к ослу: *«Отколе, умная, бредишь ты голова?»* [Максимов 2007: 424]

И.Р. Гальперин приводит свой собственный пример:

«It must be delightful to find oneself in a foreign country without a penny in one's pocket.»

Слово «delightful» имеет значение, прямо противоположное словарному, и выражает нечто неприятное [Гальперин 1981: 147].

Розсоха А.В. говорит, что ирония может строиться с помощью почти всех известных языковых средств, и выделяет несколько способов ее создания. Одним из наиболее известных он называет антифразис – «употребление слова или словосочетания в противоположном смысле». В качестве примера А.В. Розсоха приводит строки из стихотворения А. С. Пушкина «Кокетке»:

«Мы знаем: вечная любовь

Живет едва ли три недели» [Розсоха 2010: 128].

Несоответствие стилистической окраски слов и выражений также может придавать иронии ситуации; так, в рассказе М. Зощенко «Ночное происшествие» при описании сторожа используется выражение *«аудиенция закончена»*, что подчеркивает комизм ситуации [там же].

Еще одним способом создания иронии А.В. Розсоха называет иронические сравнения, «которые не усиливают какое-либо качество, а скорее указывают на его противоположность». В пример приведена эпиграмма Н. Некрасова на Ф. Булгарина:

*«Он у нас осьмое чудо –
У него завидный нрав.
Неподкупен – как Иуда,
Храбр и честен – как Фальстаф»* [там же].

Повторение слов собеседника может придавать им ироничный оттенок, как в рассказах Н. А. Тэффи: *«Вернулся он только в половине шестого, чтобы сообщить мне, что теперь он “должен шабашиить”, и ушел»*. Таким же образом при создании иронии функционирует парафраз – «пересказ, изложение текста своими словами», при котором слова оппонента толкуются говорящим по-новому. По словам А.В. Розсохи, в отличие от цитаты, точно воспроизводящей высказывание, но меняющей смысл, парафраз изменяет не содержание, а форму [там же].

Часто ирония строится путем обыгрывания омонимии или паронимии [Ирония: гуманитарные науки: http://encyclopaedia.big.ru/enc/liberal_arts/IRONIYA.html]. На указанном сайте приведены примеры:

«Раньше носили платья до пола, а теперь – до признаков пола»
(В.Буренин).

«И у Иуды был преданный друг» (А.Кнышев, Уколы пера).

«Губенко провел пресс-конференцию. И журналистов».
(«Коммерсантъ», № 42, 1991). [там же]

Также ирония может базироваться на грубом преувеличении или явном противоречии:

«Потом были показаны турецкие кинжалы, на одном из которых, по ошибке, было вырезано: Мастер Савелий Сибиряков» (Н.Гоголь, Мертвые души).

«– С приездом, дорогая тетушка. Мама говорит, что только тебя нам не хватало...» [там же]

Кухаренко В.А. выделяет особенностью иронии то, что «суть заключается в приоритете не логического, а оценочного значения. Контекст устроен таким образом, что слово, заключающее в себе иронию, переворачивает направление оценки, и позитивное оценивается негативным (или, что происходит намного реже, наоборот)». Она приводит пример из Дж. Стейнбека: *«She turned with the sweet smile of an alligator»* [Кухаренко 2009: 27].

К.М. Шилихина считает, что обязательными особенностями иронической коммуникации являются выражение негативной оценки ситуации, а также намеренное нарушение семантической целостности высказывания, иначе говоря, лингвистически маркированная неожиданная лексическая сочетаемость, нетривиальные коллокации. Через следующий пример из Национального корпуса русского языка она объясняет, что употребление эпитета «железобетонная» в паре с именем собственным является необычным лексическим сочетанием:

«И даже если кардинальная мысль репортажа железобетонной Ольги Скабеевой, гордости госканала, заключается в малочисленности акции, а камера случайно выхватывает людское море вплоть до Пушкинской – не страшно» [Шилихина 2013: 178].

Она приводит еще один пример: *«Впрочем, за Митрофанова обидно. Целый депутат, глава комитета, авторитетный человек. А погореть может из-за цены вопроса меньше сотни тысяч долларов»*. Здесь

коллокация «целый депутат» привлекает внимание читателя, обращает его на себя, заставляя декодировать ироническое сообщение [Шилихина 2013: 179].

И.Р. Гальперин цитирует Ричарда Алтика, сказавшего: «Эффект иронии заключается в разительном несоответствии того, что сказано, и того, что имелось в виду». Это несоответствие достигается путем преднамеренного взаимодействия двух значений, находящихся в оппозиции друг к другу. Анализируя языковой характер иронии, важно также иметь в виду лингвистическую природу иронии: она, как правило, выражает негативный смысл, поэтому в логическом словарном значении используются позитивные понятия [Гальперин 1981: 146].

А.Н. Мороховскому принадлежат слова о том, что «ироническое значение обусловлено разительным несоответствием ситуации и ее оценки». Его пример взят из Р. Олдингтона, где «описывается некая реальная ситуация, которая представляется не только опасной, но и почти безнадежной для персонажа. В последних двух предложениях дана эксплицированная оценка ситуации – по форме оценка ситуации положительна, но значение ее прямо противоположно». [Мороховский 1991: 179]

«They plonked you out there in the mud, you and a couple of N. C. O.'s and some men – and your job was to get killed if the enemy attacked. You weren't allowed to retreat; you knew that nobody would be allowed to succour or reinforce you... A very pleasant prospect. A most jolly look out.»

А.Н. Мороховский и соавторы также подчеркивают, что у иронии отсутствуют как синтаксическая структура, так и специфическое значение лексических единиц. Однако, «являясь средством оценки, она, несомненно, тяготеет к предикатной структуре и реализуется в словах, которые содержат или могут содержать оценочное значение» [там же].

Тем не менее, в ряде случаев иронические высказывания сохраняют свое значение даже вне контекста – это объясняется тем, что «в силу их узувального употребления они приобрели устойчивое коннотативное выражение». Имеющие в русском языке устойчивое значение ироничности

слова «умник», «белоручка», «божок», «великовозрастный», в которых лексемы «ум», «великий», «белый» содержат положительную сему, но слово целиком выражает отрицательную оценку. Сюда же можно отнести устойчивые словосочетания «хорошенькое дельце», «хорош друг», и аналогично в английском языке: *too clever by half, a young hopeful, excuse me for living* [Мороховский 1991: 180].

В дополнение к вышесказанному можно добавить слова О.Г. Петровой о том, что воплощение иронического смысла «неразрывно связано со способностью языковых единиц обретать в процессе реализации коннотативные и ассоциативные значения» [Петрова 2011: 25].

Контекст имеет ключевое значение для восприятия и вскрытия иронии, считает Печенихина Е.А. Это необходимый минимум, «в пределах которого реализуется имплицитное значение того или иного элемента». Е.А. Печенихина делит контекст на горизонтальный («лингвистическое окружение определенной языковой единицы, которое определяет особенности употребления данного элемента в речи») и вертикальный («историко-филологическое окружение данного литературного произведения»). Сложность иронии напрямую зависит от широты контекста – чем он шире, тем сложнее процесс декодирования иронии. Зависимость от контекста также позволяет выделить языковую и речевую иронию [Печенихина 2010: 10].

Языковая ирония имеет место, «когда ироническая окраска настолько закрепилась в значении слова, что была зафиксирована словарем» [там же]. В качестве примера можно вспомнить «умник», «белоручка», «хорошенькое дельце» у А.Н. Мороховского. Особенность языковой иронии в том, говорит Печенихина, что для реализации ей необходим минимальный контекст; языковая ирония «в современном состоянии языка не нуждается в контексте вообще» [там же]. Можно сказать, что языковая ирония закреплена в самом языке и готова к использованию.

Речевая ирония отличается от языковой тем, что ей необходимо погружение в контекст для полной реализации, «основным ее сигналом

является содержание высказывания в его соотношении с действительностью» [там же]. Иными словами, составные элементы определенного речевого высказывания могут не быть ироничными в языке, но приобретают подобную характеристику в речи говорящего, когда произносятся в том или ином контексте.

В качестве особой разновидности речевой иронии Е.А. Печенихина выделяет индивидуально-авторскую, или творческую иронию. Она является «высшим проявлением речевой иронии, она имеет художественную функцию и занимает особое место в идейно-образной структуре произведения» [там же].

О важности контекста при декодировании иронии рассуждает также В.М. Пивоев. Он считает, что ирония будет не понята и превратится в лицемерие или обман, если контекст недостаточен, поскольку в этом случае «нарушается ее коммуникативный характер». Принадлежащая к определенной эпохе ирония будет восприниматься иначе в другую эпоху, поскольку социальный и культурный аспект конкретного исторического периода не берется во внимание. В.М. Пивоев приводит в пример стихотворение «Сон на Новый год» В. Курочкина: «Единодушно: взятки гадки! На всю Россию прокричим». Он поясняет, что эти строки являются пародией на речь героя из комедии В. А. Соллогуба «Чиновник», которая была популярна «у петербургской публики в середине XIX века». Однако люди, принадлежащие к другому времени и не знакомые с контекстом, не смогут определить в стихотворении Курочкина иронию и, соответственно, не сумеют декодировать иронию и верно интерпретировать заложенное автором сообщение [Пивоев 2000: 67].

О.П. Ермакова, рассматривая в своей работе различные определения иронии, намеренно выпускает из вида такой прагматический компонент как «насмешка над видом похвалы»; по ее мнению, хотя этот вид иронии и является распространенным, он далеко не единственный. О.П. Ермакова утверждает, что ирония не всегда принимает вид похвалы или насмешки и не

всегда является видом комического. Она приводит следующий пример: «Я потеряла деньги. – Много? – Много. – *Весело!*». Мы без сомнения можем сказать, что ирония здесь явно присутствует, но, тем не менее, она не содержит ни насмешки, ни мнимой похвалы, ни элементов комического [Ермакова 2011: 9].

Несмотря на то, что нами уже было перечислено большое количество определений и характеристик иронии, они не исчерпывают мнения всех ученых по этой теме. Проблема определения иронии всё еще остается актуальной. О.В. Коленко приводит на этот счет свою точку зрения. Она говорит, что «попытки определить природу иронии на протяжении столетий сталкивались с определенными трудностями. Причиной этому, возможно, служат разнообразные формы иронии, различные подходы к ее анализу и также факт, что само понятие иронии находится в постоянном процессе развития». О.В. Коленко также добавляет, что для того, чтобы исследовать иронию, необходимо ее понимать и обладать чувством юмора, то есть «уметь улыбнуться или посмеяться». В своей статье она рассматривает классификацию характеристик иронии австралийского лингвиста Д.К. Мюкке и пересказывает его мнение о том, что при определении понятия иронии можно достичь лишь неустойчивого компромисса между «тенденцией ограничить употребление этого слова в том значении, в котором люди его использовали непосредственно в прошлом» и «тенденцией употреблять понятие иронии в любом контексте, который соответствует ироническому по форме, функции и эффекту» [Коленко 2013: 177]. Подытоживая, можно сказать, что невозможно подобрать полное и исчерпывающее определение понятию иронии, а также разработать универсальную классификацию ее видов.

Необходимо упомянуть о связи иронии со структурой комического. Ю.В. Каменская, ссылаясь на работы М.М. Бахтина, Ю.Б. Борева, Р.А. Будагова, рассматривает иронию и специфику ее проявления в действительности и в тексте с точки зрения положения иронии в структуре

комического: «Ирония как способ выражения более общей категории комического занимает в его структуре место в ряду таких средств выражения, как пародия, гротеск, бурлеск, однако, с другой стороны, ирония выступает как эстетическая категория, вид эмоционально-ценностного отношения автора к тем или иным явлениям действительности, отображения мировосприятия писателя в тексте художественного произведения. В этом случае ирония соотносима с юмором и сатирой как полноправная форма комического. В связи с этим возникает необходимость отграничения иронии от сатиры и юмора». Ю.В. Каменская объясняет, что юмор представляет собой «доброе» высмеивание, в котором автор относится к персонажу или предмету с симпатией и «оставляет за объектом критики его привлекательность»; «юмор стремится не к уничтожению явления, а к его совершенствованию». В то же время, ирония является «негативным» высмеиванием, она критикует объект и отсутствующие у него качества и имеет отрицательную оценку [Каменская 2001: 14].

Отличие иронии от сатиры, по мнению Ю.В. Каменской, заключается в том, что сатира – это «уничтожающее осмеяние действительности», она призвана «вызвать у читателя решительное неприятие и осуждение осмеиваемых явлений». Что касается иронии, она носит более спокойный и умеренный характер и «старается пробудить самостоятельность мышления читателя», будучи при этом более успешным способом завуалировать авторскую позицию в тексте [там же].

Радж Кишор Сингх в своей статье разграничивает юмор, иронию, сатиру и сарказм. Он объясняет, что ирония используется как техника для выражения противоречивых или взаимодополняющих чувств и отношений, тогда как сатира – это литературное произведение в стихах или прозе, и она использует иронию, сарказм, насмешку в разоблачении, осуждении и высмеивании пороков человечества [Singh 2012: 65].

Юмор, по словам Р.К. Сингха, это сердце литературы; это не жанр, а субстанция, тенденция определенных когнитивных процессов вызывать смех.

С другой стороны, юмор – не орудие, а чувство. У каждого есть чувство юмора. Ирония в таком случае является средством выражения юмора. Авторы используют иронию, чтобы заставить читателей остановиться и задуматься о том, что было сказано, или чтобы усилить центральную идею. Ироничная форма сравнения используется в сарказме и подчеркивает свое значение намеренным использованием языка, который утверждает противоположность истине или преуменьшает факты [там же].

Сатира и ирония тесно связаны, но не являются одинаковыми. Являясь формой критики, сатира задействует юмор для достижения своих целей. В качестве одного из методов сатира использует иронию; в этом состоит их отличие – сатира является жанром, а ирония – техникой [там же].

Понятие иронии действительно часто смешивается с понятием сарказма. М.М. Филиппова рассматривает иронию и сарказм как важные составляющие юмора; она поясняет, что ирония и сарказм являются разными понятиями, но настолько взаимосвязанными, «что сложно рассуждать об одном, не упоминая другое». М.М. Филиппова добавляет, что большинство авторов в своих исследовательских работах рассматривают иронию как самостоятельное явление, тогда как «при определении сарказма авторы часто отталкиваются от понятия иронии, или сравнивают сарказм с иронией, или рассматривают саркастические высказывания на фоне иронических». [Филиппова 2009: 286]. Так, Webster's New Dictionary of Synonyms дает следующее определение: «Сарказм применим к жестокой, горькой форме юмора, нацеленной на то, чтобы ранить. Сарказм не подразумевает использование вербальной иронии, порой являясь прямым высказыванием, но он всегда подразумевает своей целью намерение выставить жертву сарказма объектом насмешки» [Webster's New Dictionary of Synonyms 1984: 877]. Сарказм и ирония являются схожими понятиями, однако представляется возможным выделить одно существенное различие; оно заключается в том, что сарказм по своей природе является негативным и нацелен на то, чтобы

задеть и обидеть, тогда как ирония может быть добродушной, невинной и не иметь в себе стремления причинить боль.

Таким образом, на основании рассмотренных точек зрения можно сделать вывод, что понятия юмор, сатира, ирония и сарказм являются различными, но взаимосвязанными, и могут быть описаны друг через друга.

И.А. Осинская в своей книге рассуждает о направленности иронии на процесс, а не на результат, приводя в пример С. Кьеркегора. Она пишет: «Ироническое странничество у Кьеркегора целенаправленно. Особенно ярко это выражено в его утверждении, что "ирония – не истина, но путь". Эту фразу можно понимать двояко: с одной стороны, ирония предстает как этап на пути к истине, а с другой – как метафора постоянного движения, постоянного странствия» [Осинская 2007: 87].

К.М. Шилихина, рассуждая о двойственной природе иронии, говорит о том, что ирония «основана на несоответствии между двумя семантическими планами высказывания: эксплицитным и имплицитным. Эти планы, в свою очередь, связаны с двумя различными ситуациями, отдельные элементы которых могут противоречить или не соответствовать друг другу». Таким образом, семантическая двойственность задействует актуализацию знаний одновременно о двух ситуациях, подлежащих сопоставлению – той, о которой буквально идет речь в высказывании, и той, которая под этим подразумевается [Шилихина 2011: 83].

«Семантическая и прагматическая неоднозначность иронии, с одной стороны, усложняет общение», говорит К.М. Шилихина; «с другой стороны, ирония позволяет адресату реагировать на нее по-разному, в том числе и отказывать говорящему в праве на использование иронии». Она также добавляет, что «способность создавать и понимать иронию – яркий пример того, как творческая функция языка реализуется в действиях всех участников дискурса» [там же].

Следует отметить важное условие реализации иронии, о котором пишет Семенов И.А. – это фигура наблюдателя. «Наблюдатель может быть как

субъектом иронии, замечающим отклонение от нормы и выступающим как адресант комического произведения, так и адресатом иронического высказывания. В конечном счете, наблюдатель должен обладать языковой компетентностью, чтобы подметить неожиданный, скрытый аспект рассматриваемого предмета и декодировать ироничное высказывание. Без знания о неуместности того или иного высказывания, невозможно распознать иронию говорящего» [Семенов 2007: 106]. И.А. Семенов выделяет следующие критерии, отвечающие за уместность высказывания:

1. оно должно содержать две противоречащих друг другу интерпретации;
2. участники иронической ситуации должны уметь распознавать эти интерпретации.

В случае, когда хотя бы одно условие не реализуется, ироническая ситуация может быть воспринята как неироническая, либо возможен обратный вариант – когда за иронию принимается то, что ей не является [там же].

К.М. Шилихина рассматривает проблему определения иронии с дискурсивной точки зрения. Она отвергает теорию о том, что ирония является тропом и утверждает, что ирония может трактоваться как дискурсивная практика, т. е. «целенаправленное использование языковых средств не только для передачи смысла, но и для трансляции определенных социальных отношений». Дискурсивная практика является частным случаем социальной практики, объясняет К.М. Шилихина, поскольку она находится только в речевых действиях и предполагает, что участники общения обладают определенными ролями. Так, в контексте иронических высказываний обязательно присутствуют роли «инициатора иронии, адресата иронического высказывания/текста, а также объекта (жертвы) иронического отношения» [Шилихина 2011: 177].

Существует еще одно доказательство того, что иронию можно считать дискурсивной практикой, а не тропом – это тот факт, что представляется

невозможной «привязка» иронии к определенному уровню языка, «поскольку создать иронию в дискурсе можно самыми разными способами – от интонации до специфической синтаксической организации высказывания...» [там же].

Рассмотрим роли участников иронического высказывания подробнее. Анна Паюнен приводит пять компонентов иронического высказывания, описанных Тойни Рахту в его работе «Ирония согласованности и несогласованности». Так, по Т. Рахту (в переводе А. Паюнен) пятью компонентами иронии являются: «негативное сообщение, говорящий (автор) и его интенция, объект иронии, жертва иронии и многосмысленность выражения». [Паюнен 2012: 24].

а) отрицательное высказывание: в иронии им могут быть насмешка, сарказм, несогласие, критика; оно является ядром, но не заглушает другие составные части; через него выражается позиция автора к кому-либо или чему-либо. По словам Т. Рахту, ирония не всегда является отрицательной, так как с ее помощью высказыванию придают юмористический или вежливый оттенок; однако «даже восприятие развлекательный стороны иронического высказывания основывается на отрицательности высказывания» [там же].

б) иронизирующий и его интенции: несмотря на то, что ироничность высказывания определяется адресатом, он, тем не менее, в процессе интерпретации всегда отталкивается от интенции говорящего, которому среди компонентов иронии отводится важная роль. Как считает Т. Рахту, «человек приравнивает высказывание к высказывающему. Мы интерпретируем не только сообщение, но и говорящего. Через высказывание мы узнаем мнение, статус, позиции высказывающегося» [там же].

в) объект иронии: им могут быть качества, внешний вид, поведение, явления, события или ситуации, реплики, высказывания, особенности, мысли – всё, на что может быть направлена ирония [там же].

г) жертва иронии: понятие, тесно связанное с объектом иронии; жертва «как бы отвечает за объект иронии, обычно в этическом или моральном

смысле». Жертвами могут быть как одушевленное существо (один человек, группа людей или тип человека), а также высказывание, поведение или вещь [там же].

д) многосмысленность выражения: она заключается в том, что высказывание может быть интерпретировано по-разному в зависимости от адресата, его жизненного опыта, позиции и ожиданий, порой даже иначе, чем задумывал автор. Т. Рахту также подчеркивает, что многосмысленность необходимо рассматривать как интенциональное понятие: «цель говорящего состоит в том, чтобы адресат понял высказывание по крайней мере двумя способами одновременно. И из предложенных интерпретаций одна, по крайней мере, будет в какой-то степени отрицательной» [там же].

Всё вышесказанное, хотя и характеризует иронию, относится скорее к вербальной иронии, составляющей основу всей иронии (речь о видах иронии пойдет позже). Такие виды иронии, как ситуативная и драматическая, рассмотренные нами во втором параграфе этой главы, могут не подходить под данные выше определения иронии и не соответствовать характеристикам и критериям. К.М. Шилихина в своей рецензии на книгу объясняет, *что* является главной чертой иронии, которая выделяется вне зависимости от ее разновидности. Она говорит, что, по мнению всех ученых, «ирония возникает в результате несоответствия ожидаемого и реального положения дел» [Шилихина 2010: 229], и это определение более полно характеризует иронию в совокупности ее видов. Поэтому необходимо заметить, что, хотя вербальная ирония часто принимается авторами за суть иронии, и понятие иронии в основном рассматривается именно в контексте вербальной иронии, «ирония полифункциональна», и в процессе своего развития и формирования она приобретала «различный категориальный статус: от тропа в античности до образа мышления и отношения к действительности в эпоху постмодернизма» [там же]. Таким образом, говоря об иронии, не стоит забывать о ее видах и фокусироваться лишь на вербальной иронии.

Итак, мы рассмотрели понятие иронии в художественной литературе и ее характеристики.

1.2. Виды иронии

В данном разделе речь пойдет о видах иронии в художественной литературе. Существует множество классификаций, которые выделяют различные виды иронии в зависимости от различных критериев ее образования, функционирования, реализации и декодирования. Многие лингвисты в процессе своих исследований открывают или изобретают собственные виды, создают новые классификации либо видоизменяют и дополняют уже существующие. К.М. Шилихина в своей диссертации выделяет несколько причин существования множества классификаций; так, по ее мнению, первой причиной является многосторонность иронии и то, что «каждый раз она принимает новое “обличие”», поскольку ирония не связана с определенным языковым уровнем; следовательно, невозможно выделить набор реализующих ее языковых средств и произвести их классификацию исключительно на лингвистических основаниях. Вторая причина, по мнению К.М. Шилихиной, состоит в том, что исследователи в процессе разработки классификаций, как правило, опираются на дедуктивный метод; иными словами, сперва они создают некую классификационную схему, а затем применяют ее к конкретному языковому материалу. При этом неизбежно возникают случаи, когда материалы не вписываются в предложенную классификацию и «размывают границы предложенных исследователем категорий». Более того, при попытке упорядочить все проявления иронии в рамках одной классификации ученым приходится вводить дополнительные подгруппы, «что неизбежно приводит к усложнению и дроблению явления». К.М. Шилихина, опираясь на материалы Д.К. Мюкке, добавляет, что «исследователи выделяют не только вербальную и ситуативную иронию, но и драматическую иронию, иронию Сократа, философскую иронию, практическую иронию, романтическую иронию, сентиментальную иронию и

т.д.». К.М. Шилихина утверждает, что подобное дробление обуславливается двумя причинами – внутренней (самим разнообразием иронии как таковой) и внешней (стремлением исследователей учесть это многообразие). Помимо этого, исследование иронии возможно производить и с разных точек зрения – в зависимости от ее функций, языковых средств ее реализации в высказывании, ее прагматического эффекта в дискурсе, и т.д. «Этим и объясняется несовпадение существующих классификаций иронии», подытоживает К.М. Шилихина [Шилихина 2014: 82].

В данной исследовательской работе мы бы хотели рассмотреть только две основных классификации, которые наиболее часто встречаются в научной литературе по данной теме, и описание которых представляется нам наиболее исчерпывающим и логичным.

Прежде всего, говоря о различных видах иронии, необходимо указать основание, по которому происходит классификация. Исходя из этого, для изучения в рамках нашего исследования мы обратим внимание на реализацию иронии на разных уровнях языка (в микроконтексте, макроконтексте и мегаконтексте), а также иронию в зависимости от ее функции (а именно, вербальную, драматическую и ситуативную).

Реализация иронического значения может происходить на разных уровнях языка: в контексте слова (микроконтексте), в контексте фрагмента текста (макроконтексте) и в контексте целого произведения (мегаконтексте) [Мороховский 1991: 179].

В микроконтексте иронию выражают иронические сравнения. Это такая форма иронии, в которой говорящий подразумевает прямо противоположное тому, что произносит. К примеру, следующие сравнения начинаются с обманчивой конструкции, означающего некое явление, но в итоге обозначают противопоставленное ему значение: *сладкий как уксус, теплый как снег, приятный как перелом ноги*. В каждом случае ирония легко распознаваема благодаря знанию фактов окружающего мира (уксус кислый, снег холодный, а перелом болезненный), помогающих обнаружить

несоответствие [Irony: Wikipedia, the free encyclopedia 2014: en.wikipedia.org/wiki/Irony]. Иронией в микроконтексте принято считать проявление иронии в слове или словосочетании, которых достаточно для декодирования иронического сообщения, и когда более широкого контекста не требуется для понимания иронии.

Ироническое значение макроконтекста в слове или словосочетании образуется по той причине, что эти лексические единицы обладают семой положительной оценки (например, *a beauty, healthy, pleasant*) или безоценочной семой (*reception, to manage, pensionary*), но получают отрицательное значение в некотором контексте [Мороховский 1991: 179]. А.Н. Мороховский приводит пример:

This naturally led to some pleasant chat about sciatica, fevers, chills, lung diseases [...] and bronchitis (J. Jerome).

On student's day I paid sixpence to stumble about through a crowd of easels, when he might have come in next day for nothing and found the floor clear. Quite by accident (B. Shaw) [там же].

Ироническое значение словосочетания обычно опирается на контекст. Если, выглянув в окно и увидев там ураган, человек заметит «*Замечательная погода, не так ли?*», противоречие между фактами и их описанием создаст иронию в макроконтексте [The New Princeton Encyclopedia Of Poetry And Poetics 1993: 635].

Также ироническое значение лексической единицы может раскрываться в мегаконтексте, то есть во всем произведении или в его части. Со слов А.Н. Мороховского, Э. Хэмингуэй начинает главу «Прощай, оружие» словами: «*We had a fine life. We lived through the months of January and February and the winter was very fine and we were very happy*», но описывает дальнейшие события так, что становится понятно – настоящего счастья герои не знают. Наиболее распространены случаи, когда автор дает произведению ироничное название, однако ирония осознается лишь после ознакомления с содержанием всего произведения. А.Н. Мороховский приводит множество примеров: О.

Уайльд «Идеальный муж», «Преданный друг», Г. Грин «Тихий американец», Э. Кингсли «Счастливчик Джим» и др. [Мороховский 1991: 179].

Мирошник Е.К. иллюстрирует вышеперечисленные виды иронии, выраженной на разных уровнях, примерами О. Хаксли.

1) Ирония на лексическом уровне:

После отъезда мистера Барбекью-Смита Генри Уимбуш подвел итог: «*A very agreeable adjunct to the week-end*». Слово «agreeable» в словаре имеет позитивное значение и переводится как «приятный, милый». Однако в контексте слово имеет противоположную, негативную оценку: «Хорошо, что он уехал» [Мирошник 2012: 67].

2) Ирония на синтаксическом уровне:

Ирония представлена обособленной синтаксической конструкцией, реализующейся во вводном предложении: «*He was twenty-three, and oh! so agonizingly conscious of the fact*». Слово «agonize» имеет негативный смысл, придающий конструкции отрицательную оценку, хотя она должна быть положительной, учитывая возраст – «twenty-three» [там же].

3) Ирония на уровне текста:

Приведен диалог, в котором прослеживается ироничное отношение автора к так называемым «писателям».

- *How many words do you find you can write in an hour?*

- *I don't think I've ever counted.*

- *Oh, you ought to, you ought to. It's most important.*

Denis exercised his memory. «When I'm in good form,» he said, «I fancy I do a twelve-hundred word review in about four hours. But sometimes it takes me much longer».

Mr. Barbecue-Smith nodded.

- *Yes, three hundred words an hour at your best... Guess how many words I wrote this evening between five and half past seven.*

- *I can't imagine...*

- *Well, I'll tell you. Three thousand eight hundred.*

Ирония в данном примере проявляется в том, что двух «писателей» волнует лишь количество слов, которые они могут написать за час, а не их качество [там же].

Вторая классификация, которую мы бы хотели рассмотреть в рамках данного исследования, это классификация иронических употреблений в зависимости от их функционирования в тексте. Мы рассмотрим следующие три вида: ирония вербальная, драматическая и ситуативная.

Вербальная ирония – это «высказывание, в котором значение, используемое говорящим, резко отличается от значения, якобы выраженного» [A Glossary of Literary Terms 1999: 135]. Вербальная ирония формирует основу того, что мы называем иронией [Foster 2003: 124].

А. Паюнен в своей работе рассматривает примеры вербальной иронии на материале повести Виктории Токаревой «Старая собака». Так, героиня повести Инна с самого начала подвергается иронии со стороны автора; объектами иронии становятся ее цинизм и отчаяние:

«Инна Сорокина приехала в санаторий не затем, чтобы лечиться, а чтобы найти себе мужа. Санаторий был закрытого типа, для высокопоставленных людей, там вполне мог найтись для нее высокопоставленный муж. Единственное условие, которое она для себя оговорила – не старше восьмидесяти двух лет».

А. Паюнен поясняет, что автор иронизирует над расчетливостью и отчаянием Инны, главная цель которой – найти «высокопоставленного» мужа. Ирония здесь также заключается в том, что единственный критерий, выделяемый главной героиней – это возраст; иные критерии для Инны не важны [Паюнен 2012: 33].

Психолог Эндрю Николсон вместе со своими коллегами рассуждают об особенностях и функции вербальной иронии с психологической точки зрения. Они утверждают, что вербальная ирония широко используется для социальных целей: приглушить эффект критики в одних случаях и обострить его в других, задействовать чувство юмора, управлять отношениями. Для

того, чтобы оценить вербальную иронию, читатель должен понимать, что автор высказывания не подразумевает, чтобы значение его слов воспринималось буквально, и что фальшивость высказывания рассчитана на то, чтобы ее обнаружили [Nicholson 2013].

Перейдем к рассмотрению драматической иронии. Это прием, согласно которому:

- а) читатель знает больше, чем главный герой;
- б) персонаж реагирует таким образом, который не является приемлемым или мудрым;
- в) персонажи и ситуации рассматриваются в контрасте или сравнении для иронического эффекта;
- г) существует заметный контраст между тем, что персонаж думает о своих действиях, и как они демонстрируются для читателя [The New Princeton Encyclopedia Of Poetry And Poetics 1993: 635].

Чаще всего этот вид иронии используется в ситуациях, когда читатель владеет информацией, которую как минимум один из персонажей в повествовании не знает; таким образом читатель опережает его на шаг. К примеру, когда один персонаж говорит другому «*Увидимся завтра!*», однако публика знает, что персонаж не доживет до утра [Irony: Wikipedia, the free encyclopedia 2014: en.wikipedia.org/wiki/Irony].

«Драматическая ирония часто связана с драматической ситуацией», пишет Орлов М.Ю. «Зритель чувствует иронию, когда воспринимает элементы интриги, скрытые от персонажа и не позволяющие последнему действовать со знанием дела» [Орлов 2005: 67].

Многие писатели считают этот вид иронии мощным инструментом для возбуждения и поддержания интереса читателей и аудитории. Ирония создает большой контраст между непосредственной ситуацией и действиями, последующими далее, и таким образом формирует любопытство. [Types of Irony 2013: <http://typesofirony.com/>]

Перейдем к последнему типу иронии, который мы хотели бы рассмотреть. Ситуативная ирония (или, как ее еще называют, «ирония судьбы») имеет место, когда конечный результат не совпадает с тем, что ожидалось. Обычно события сюжета ведут аудиторию к определенному разрешению или концу; если вместо предполагаемого конца возникает иная ситуация, эту абсурдность называют ситуативной иронией [там же].

Для ситуативной иронии необходимым условием является нечто, наводящее героя на мысль, что определенные события не случатся. Например, персонаж врезается в столб и остается целым и невредимым, потому что ремень безопасности работает исправно; однако пока он пытается выбраться, столб ломается, падает и придавливает его [Foster 2003: 123].

В рассказе О. Генри «Дары волхвов» супруги слишком бедны и не могут купить друг другу подарки на Рождество. Жена продает волосы и покупает золотую цепочку для часов мужа; муж продает часы и покупает для жены набор гребней для волос. В том, как ожидания обоих были сорваны, заключается двойная ирония [The New Princeton Encyclopedia of Poetry and Poetics 1993: 635]. Также примером ситуативной иронии является «Песнь о Вещем Олеге». Узнав, что причиной смерти послужит его конь, Олег повелел увести его в поле. Когда конь умер, Олег, уверенный в своей безопасности, подошел к его костям, чтобы попрощаться. Тут из черепа коня выползла змея и ужалила Олега, что и стало причиной его смерти.

Ситуативная ирония распространена не только в литературе, с ней часто можно столкнуться в повседневной жизни. Так, Кэмерон Шелли, говоря о ситуативной иронии, объясняет, что, когда люди находят ситуацию ироничной, они имеют в виду, что их представление о ней противоречит общепринятому представлению, что она вызывает особый вид эмоционального отклика и, возможно, особое моральное значение. К. Шелли приводит следующий пример из реальной жизни: пожарные двадцатого участка в Лас-Вегасе стали виновниками пожара, потому что забыли оставленную во включенной духовке курицу, когда выезжали на вызов о

пожаре. Эта ситуация является ироничной, поскольку пожарные должны тушить пожары, а не устраивать их, поясняет К. Шелли [Shelley 2001: 775]. Ситуативная ирония здесь также проявляется в том факте, что пожарные, стремясь выполнить свою работу и потушить пожар, сами стали виновниками пожара, то есть их действия, пусть и ненамеренно, но привели к «результату, прямо противоположному тому, на достижение которого эти действия были направлены». Как говорится в устойчивом словосочетании, «за что боролись, на то и напоролись» [Wiki 2015: <https://ru.wiktionary.org/>].

Итак, мы рассмотрели шесть видов иронии по двум различным классификациям.

Выводы по главе 1

В первой главе мы рассмотрели понятие термина «ирония», ее характеристики и виды.

В первом параграфе первой главы нами были проанализированы различные определения понятия «ирония» и подходы к ее изучению разными учеными-лингвистами от античности до современности. Также были рассмотрены различные характеристики и отличительные черты иронии. Мы рассмотрели способы создания иронии, компоненты иронического высказывания, и определили место иронии в структуре комического.

Во втором параграфе первой главы нами были рассмотрены две классификации видов иронии – в зависимости от уровня языка и в зависимости от выполняемой функции. Каждая классификация включала в себя по три вида иронии; в первой классификации мы выделили иронию в микроконтексте, иронию в макроконтексте и иронию в мегаконтексте; во второй классификации мы выделили вербальную, драматическую и ситуативную иронию. Мы также рассмотрели причины отсутствия единой классификации видов иронии и, как результат, существования множества подобных классификаций.

По итогам первой главы можно сделать выводы о том, что ирония является важным стилистическим приемом при передаче мыслей и чувств автора; различные виды иронии позволяют реализовать стремление автора к иронизированию над различными ситуациями во множестве аспектов. Ирония – многогранное явление, и различные подходы к ее изучению и классификации ее видов позволяют изучить ее с различных точек зрения и в зависимости от различных аспектов.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИРОНИИ В КОРОТКИХ РАССКАЗАХ ДЖЕФФРИ АРЧЕРА, ГРЭМА ГРИНА И УИЛЬЯМА СОМЕРСЕТА МОЭМА

2.1. Ирония в зависимости от уровня языка

В первом параграфе второй главы нашего исследования мы бы хотели привести примеры того, как Джеффри Арчер, Грэм Грин и Сомерсет Моэм используют иронию в своих коротких рассказах. В случае с Дж. Арчером для рассмотрения мы взяли следующие рассказы на английском языке из сборника "The Collected Short Stories": "The Loophole", "Cheap at Half the Price", "Checkmate", "Christina Rosenthal", "Clean Sweep Ignatius", "Colonel Bullfrog", "Just Good Friends", "Never Stop on the Motorway", "Old Love", "One Man's Meat...", "Shoeshine Boy", "The Hungarian Professor", "The Luncheon", "The Steal", "You'll Never Live to Regret It". При рассмотрении иронии в творчестве Г. Грина мы взяли для примера следующие рассказы на английском языке из сборника "21 Stories": "A Chance for Mr. Lever", "A Day Saved", "A Drive in the Country", "A Little Place off the Edgware Road", "Across the Bridge", "Alas, Poor Maling", "Brother", "I Spy", "Jubilee", "Men at Work", "Proof Positive", "Special Duties", "The Basement Room", "The Blue Film", "The Case for the Defence", "The Destructors", "The End of the Party", "The Hint of an Explanation", "The Innocent", "The Second Death", "When Greek Meets Greek". Для анализа произведений С. Моэма нами были рассмотрены следующие рассказы на английском языке из сборника "Sixty-Five Short Stories": "A Friend In Need", "A Man From Glasgow", "Flotsam and Jetsam", "French Joe", "Lord Mountdrago", "Louise", "Mabel", "Mr. Know-All", "Princess September", "Raw Material", "Sanatorium", "The Ant and the Grasshopper", "The Closed Shop", "The Colonel's Lady", "The Consul", "The Dream", "The Escape", "The Facts of Life", "The Promise", "The Taipan", "The Three Fat Women of Antibes", "The Verger", "The Voice of the Turtle".

В данном параграфе мы рассмотрим примеры употребления иронии в микроконтексте, макроконтексте и мегаконтексте в вышеперечисленных рассказах.

Ирония в **микроконтексте** у Джеффри Арчера не сильно распространена, однако довольно легко различаема. Так, в рассказе Christina Rosenthal имя возлюбленной главного героя, Кристины, перекликается с одной из основных мыслей текста о том, что она христианка, а он еврей, и разные вероисповедания мешают им быть вместе.

В рассказе Checkmate главная героиня собирается ехать домой (очевидно, на общественном транспорте), однако главный герой, которому она понравилась, предлагает подвезти ее на своей машине. Сев в автомобиль, девушка с иронией замечает: “A *slight improvement* on London Transport”; впрочем, заметно, что она довольна таким поворотом событий. Здесь ирония строится с помощью антифразиса.

В рассказе Clean Sweep Ignatius главный герой становится министром финансовых дел в Нигерии и сразу делает громкое заявление о том, что намерен «очистить» правительство от нечестных государственных служащих, коррупции, воровства и складывания бюджетных денег в карман к чиновникам. Однако нового министра никто не воспринимает всерьез. О главном герое говорится: “An editorial on the centre page dubbed him «Clean Sweep Ignatius», the *new broom* every guilty man feared”. Слово “broom” здесь употребляется иронично, показывая скептическое отношение окружающих к задумкам главного героя.

Главные герои рассказа Old Love долгое время враждуют друг с другом на почве академического соперничества, и перед важным конкурсом героиня говорит герою, стараясь обидеть его: “I do hope your efforts will manage to secure a place in *the first six*”. Таким образом она показывает, насколько низкого она мнения о нем. Автор создает иронию, используя грубое преувеличение.

Главный герой рассказа One Man's Meat... является управляющим трех ресторанов и за ужином в одном из них рассказывает своей собеседнице о том, как ему приходится разрываться между ресторанами, поскольку ежедневно в каждом из них что-нибудь случается. На вопрос девушки о том, как же он смог вырваться в этот вечер, главный герой отвечает: “Today, *thank heaven*, was not typical”. На первый взгляд это не является иронией, однако в следующем предложении герой добавляет, что не должен был быть свободен, поскольку сегодня в первом ресторане шеф отрезал себе половину пальца, во втором заболел официант, а в третьем он сам уволил бармена.

В рассказе Shoeshine Boy домработница в большом поместье заболевает в самый неподходящий момент, как раз когда хозяева ждут важных именитых гостей. В ответ на фразу жены “It isn’t the best time to let you know Mrs. Rogers is out sick” муж отвечает с иронией: “You have to *admire* her timing”. Ирония здесь строится на явном противоречии и показывает отношение мужа к сложившейся ситуации.

В рассказе The Hungarian Professor главный герой размышляет о сущности понятия “dressing room”: “We were taken by bus to the Nep stadium and unloaded outside the dressing rooms (I always feel they should be called *undressing* rooms)”. В этой ситуации автор с иронией относится к некоторой легкомысленности главного героя, раздумывающего на такие темы перед важным соревнованием. Ирония создается автором с помощью игры слов.

Главный герой рассказа The Luncheon, будучи бедным, приглашает влиятельную женщину на ланч в дорогой ресторан, и с каждым новым ее заказом всё больше паникует, потому что ему придется оплачивать счет, но денег у него нет. Когда женщина заказывает яблочный пирог, официант говорит, что пирог, кажется, закончился, однако он может сходить на кухню и проверить. Пока главный герой мысленно молится, чтобы пирога на кухне не оказалось, официант возвращается оттуда с последней порцией, и женщина радостно восклицает: “Oh, what luck”. Главный герой повторяет эту фразу за ней: “Oh, what *luck*”, замечает он с мрачной иронией, пытаясь мысленно

посчитать, сколько будет стоить весь заказ. В этом случае ирония строится с помощью грубого преувеличения.

Рассказ The Steal повествует о семейной паре, отправившейся в Турцию. У них есть традиция привозить какой-либо памятный сувенир, связанный с культурой страны, из каждой поездки, и на этот раз выбор пал на турецкий ковер. Семья небогата, они планируют экономный отпуск и могут выделить на покупку совсем небольшую сумму денег. Когда жена заявляет, что на рынке есть возможность торговаться с продавцами, которые любят делать это очень долго, муж иронично отвечает: “What a *wonderful* excuse to spend all day in the bazaars”. Автор использует антифразис для создания иронии.

Перейдем к иронии в **макроконтексте**. Она широко представлена в рассказах Джеффри Арчера. Так, в рассказе The Loophole в гольф-клубе происходит скандал между двумя друзьями; информация распространяется быстро, и вскоре об этом скандале появляется статья в газете. Про журналиста, написавшего ее, сказано: “He managed to include *enough innuendo* in the article to give *a full flavour* of what had happened”. Во всем предложении иронично обыгрывается такое явление, как клевета и стремление журналистов приукрасить свои материалы даже ценой чьей-то репутации.

В рассказе Cheap at Half the Price две подруги, живущие на деньги своих богатых мужей, жалуются на свою «тяжелую» жизнь после того, одна из них не смогла найти себе подходящее украшение в качестве подарка на день рождения ни в одном из самых лучших ювелирных магазинов города. Эта ситуация иронично высмеивается автором в следующем предложении: “They grumbled on about *the sacrifices* they were having to make because of the recession”. Ирония достигается с помощью грубого преувеличения.

Повествование в рассказе Checkmate начинается с описания девушки настолько прекрасной, что становится очевидным, почему все окружающие отвлеклись от своих дел и смотрят на нее. Однако главный герой приводит совсем другую причину подобной реакции: “Her entrance was all the more

breathhtaking because of the surroundings she had chosen. Heads would have turned at a diplomatic reception, a society cocktail party, even a charity ball, *but at a chess tournament...*”

Главный герой рассказа Christina Rosenthal, еврей, любит христианскую девушку и хочет жениться на ней, однако не получает благословения на брак у отца девушки. Будучи крайне подавленным, он ложится спать, надеясь на чудо, однако вскоре делает мрачное, но ироничное умозаключение: “I had forgotten that *miracles are for Christians, not Jews*”. Здесь ирония строится с помощью грубого преувеличения.

В рассказе Colonel Bullfrog ремарка “Staff officers are *not in the habit of disobeying Prime Ministers*” иронична тем, что «не слушаться премьер-министра» не может быть привычкой.

Рассказ Just Good Friends предоставляет в качестве примера иронии следующую ситуацию: главная героиня рассказывает о мужчине, которого любит, и о том, как он расстался с девушкой после двадцати дней вместе. Расставание происходит в баре, и сразу после этого девушка находит себе нового кавалера. Главная героиня иронично замечает: “She looked well set *for at least another twenty days*”.

В рассказе Never Stop on the Motorway ирония иллюстрирована двумя примерами. Главная героиня сбивает на дороге кошку, путешествуя в автомобиле, выбранном из-за повышенного уровня безопасности: “Ironically, she had chosen an Audi *for its safety features*”. Далее на трассе ее начинает преследовать маньяк, и она думает о телефоне внутри автомобиля, который мог бы ее спасти, и который планировала установить, но так и не сделала этого: “It could wait until the car went its next service, which *should have been two weeks ago*”. Здесь автор иронизирует о забывчивости героини.

Рассказ One Man’s Meat... предоставляет сразу три примера макроконтекстуальной иронии. В первом случае в процессе диалога между главным героем и его спутницей-врачом звучат следующие фразы: “But are there many men who are brave enough to consider a woman doctor in the first

place?” “Quite a few”, said Anna, “though most of my patients are female. But there are just about *enough intelligent, sensible, uninhibited males* around who can accept that *a woman doctor might be just as likely to cure them as a man*”. Автор иронизирует на тему современного мира и противостояния мужчин и женщин в борьбе за свои права. Во втором случае Анна рассказывает о том, что раньше жила во Франции, и на вопрос главного героя, не тяжело ли ей жить в дождливом Лондоне после юга Франции, отвечает: “In any case, *now the English have learnt how to cook, the place has become almost civilized*”. Несмотря на иронию в данном предложении, читатель может почувствовать, что она всё же любит свою страну. Третий пример иронии предоставляет сам главный герой, который после неудачи со свиданием смиренно, но иронично замечает: “I couldn’t get Anna out of my mind, but accepted that *the only thing I’d succeeded in picking up that evening was the flu*”. В данном примере способом создания иронии является яркий пример игры слов.

Главный герой рассказа Shoeshine Boy становится губернатором настолько странного города, что Джеффри Арчер иронизирует об этом на протяжении всего рассказа. Сначала он говорит о доме: “The colonial mansion was *magnificent* by any stand. It was *vastly out of proportion to either the importance of the island or Britain’s current position in real world*”, подчеркивая незначительность губернатора и самого города. Далее он рассуждает об обязанностях нового губернатора: “The governor’s duties *could hardly have been described as onerous*: he and Hazel spent most of their time visiting hospitals, delivering speeches at school prize givings and judging flower shows”. Объективно то, что эти обязанности не имеют большой значимости, однако в этом городе они считаются почетными, что еще больше подчеркивает его незначительность. Ирония в этом описании создается с помощью грубого преувеличения.

Рассказ The Hungarian Professor также предоставляет два примера макроконтекстуальной иронии. В первом главный герой описывает внешность профессора, говоря о нем: “The overall impression was of *a cross*

between a streetcar inspector and an out-of-work violinist”. Автор по-доброму иронизирует, оставляя читателям шанс самим представить себе профессора. Во втором случае употребления иронии главный герой описывает одежду профессора и то, как нашиты заплатки на его рукавах: “The leather patches on the elbows left me in no doubt that my questioner was a bachelor, for they could only have been sewn on by a man – either that or one had to conclude *he had elbows in odd places*”.

Герой рассказа The Steal, среднестатистический человек, описывает своего знакомого богача, иронизируя о его стиле жизни: “He only wanted *the simple things* in life: the sun, the sea, and an infinite supply of good food and drink”. Разгадка к пониманию иронии проста и лежит в том, что перечисленные вещи недоступны большинству людей и не могут являться простыми. Ирония здесь строится на явном противоречии. Создание иронии автором происходит с помощью антифразиса.

Ирония в **мегаконтексте** в рассказах Джеффри Арчера встречается реже и чаще всего является параллельно и драматической иронией (об этом мы расскажем в следующем параграфе). Так, например, в рассказе A Loop Hole мы на протяжении всего сюжета следим за скандалом и судебным разбирательством между двумя друзьями, и только в конце узнаем, что всё это было подстроено.

Похожая ситуация происходит в рассказе Cheap at Half the Price, где девушка пытается провернуть денежную операцию и обмануть одновременно мужа и любовника. Лишь ближе к концу читатель понимает, с какой целью она выполняла все предыдущие действия, тогда как ее партнеры остаются в неведении.

В рассказе Checkmate читатель наблюдает за следующей ситуацией: главный герой в шахматном клубе встречает девушку, с которой хотел бы познакомиться и поиграть в шахматы; однако ему в соперники попадается бухгалтер, который к тому же играет не очень хорошо. После игры герой всё же знакомится с девушкой и везет ее к себе домой, где они выпивают вина и

начинают играть в шахматы. Условия игры такие, что в случае проигрыша девушка должна снимать с себя что-то из одежды, а главный герой – платить деньги. Девушка проигрывает несколько раз и избавляется сначала от туфель, потом от чулок и ремня. Главный герой завышает ставки до двух сотен фунтов в надежде, что девушка совсем разденется, однако она обыгрывает его, забирает деньги и уезжает. Читатель осознает, что его, как и главного героя, обманывали на протяжении всего рассказа, когда становится понятно, что девушка уезжает с тем бухгалтером из шахматного клуба – очевидно, они с самого начала были в сговоре.

Читая рассказ Just Good Friends, читатель уверен, что является свидетелем истории, в которой женщина рассказывает о своей неблагоприятной судьбе и о мужчине, которого любит. Однако лишь в последней паре предложений становится понятно, что главная героиня – на самом деле кошка.

Название рассказа Never Stop on the Motorway само по себе является выражением мегаконтекстуальной иронии, поскольку выражает значение прямо противоположное событиям, описанным в рассказе: там женщина едет по трассе, преследуемая маньяком, и боится остановиться, чтобы не дать ему шанс схватить ее; однако когда она наконец останавливается, выясняется, что за ней ехал не маньяк, а обычный парень, пытавшийся весь путь ей сообщить, что маньяк находится у нее в автомобиле на заднем сидении.

Название рассказа One Man's Meat... также является глубоко ироничным. Как известно, пословица “one man's meat is another man's poison” переводится на русский язык пословицей «что русскому хорошо, то немцу смерть». Сам рассказ имеет четыре разных концовки, в каждой из которых главный герой занимает разное положение в обществе, развитие событий принимает разный оборот и заканчивается каждый раз по-своему. Ирония здесь доносит до читателя философскую мысль о том, что каждому человеку уготовано свое будущее, даже если в настоящем у всех одинаковые шансы.

В рассказе Shoeshine Boy название также иронично обыгрывается, поскольку речь в нем идет о губернаторе, который, однако, не имея должной прислуги, сам чистит ботинки приехавшему в гости адмиралу. Также в рассказе есть еще один пример данного вида иронии, он реализуется в контексте всего рассказа, когда читатели знают о том, что прислуга в доме губернатора не его, а специально нанятая; однако адмирал об этом не знает.

Подобная ситуация происходит в рассказе The Luncheon, где спутница главного героя не знает, что он беден, тогда как читатели на протяжении всего рассказа наблюдают за его переживаниями по поводу отсутствия денег.

В рассказе The Steal читатели наблюдают за тем, как знакомый главного героя долгое время торгуется с продавцом, желая купить ковер не за двадцать пять, а за двадцать тысяч; однако в конце рассказа главный герой в тайне узнает, что красная цена ковра не превышала пяти тысяч.

Главного героя рассказа You'll Never Live to Regret It долгое время уговаривают застраховать свою жизнь; однако через девятнадцать дней после седьмого взноса за страховку он умирает от СПИДа. В этом случае ирония проявляется не только в самой ситуации, но и в названии рассказа.

Перейдем к рассмотрению творчества Грэма Грина. Ирония в **микроконтексте** у Грэма Грина наименее распространена. В рассказе A Chance for Mr. Lever главный герой, мистер Левер, хочет использовать некоего Дэвидсона себе во благо, однако опасается, что тот может быть мертв, и тогда осуществить задуманное не получится; мистер Левер надеется, что Дэвидсон скорее просто болен, тогда он сам будет нуждаться в помощи, и приход мистера Левера обрадует его, что самому мистеру Леверу на руку. Автор иронично описывает мольбу мистера Левера: “O God, don't let Davidson be dead; let him be just *sick and glad to see me*”.

Рассказ Alas, Poor Maling предоставляет пример микроконтекстуальной иронии через выражение “*blitz-and-pieces krieg*”, которым автор описывает действия Гитлера во время Второй мировой войны. Ирония здесь строится с помощью игры слов.

В рассказе Men at Work читатель встречает описание короля, имеющего пристрастие к рекламе. Эта чрезмерная любовь никому не нравится и очень мешает чиновникам заниматься своей деятельностью, особенно когда король начинает рекламировать войну. Чиновники пытаются всеми силами помешать королю, чьи планы автор иронично высмеивает: “King had been an advertising man, and the need to sell something would regularly overcome him. <...> suddenly, overwhelmingly, he would begin to sell the war. The Treasury and the Stationery Office always saw to it that his *great* schemes came to nothing”. В этом примере ирония строится с помощью явного противоречия.

В рассказе The Basement Room мы читаем объявление, висящее на стене в полицейском участке: “A notice on the wall described a body found in the Thames, or rather the body’s clothes <...> They couldn’t find anything to say about the body, except its measurements, it was just *an ordinary body*”. Этой ремаркой автор высмеивает безразличное отношение представителей порядка к человеческим судьбам. Для создания иронии здесь используется прием преуменьшения.

На этом ирония в микроконтексте в выбранных нами рассказах Грэма Грина заканчивается. Ирония в **макроконтексте** используется в них более часто. Так, повествователь в рассказе A Day Saved размышляет над желанием незнакомца путешествовать самолетом, а не поездом, чтобы сэкономить день: “You will begin work a day earlier, but you cannot work on indefinitely. It only means that you will cease work a day earlier. And then what? You cannot die a day earlier. *So you will realize perhaps how rash it was of you to save a day, when you discover how you cannot escape those twenty-four hours you have so carefully preserved*”.

В рассказе Across the Bridge агенты хотели использовать собаку мистера Кэллоуэя, чтобы поймать его; однако, как только они выпустили собаку, ее чуть не сбила машина, и от пережитого испуга мистер Кэллоуэй умер на глазах у агентов.

В рассказе Alas, Poor Maling иронично описывается основное занятие главных героев – уход от уплаты налогов. События происходят во время Второй мировой войны, и герои спешат укрыться в безопасном месте: “It wasn’t the time for delay: *a dead man couldn’t evade income tax*”. Ирония строится путем грубого преувеличения.

Отец главного героя в рассказе I Spy появляется в неподходящий момент, и сын, спрятавшись, становится свидетелем ситуации, разворачивающейся несколько абзацев.

Главный герой рассказа Jubilee высмеивается автором в двух примерах макроконтестуальной иронии. В первом примере речь идет о его одежде и «хорошем» вкусе: “His neat figure was like *a symbol of good taste*; he had learned to hold his hand so that the one frayed patch on his sleeve didn’t show”. Ирония создается с помощью антифразиса. Второй пример высмеивает его «честность»: “Nobody drank the toast of the King more sincerely than Mr. Chalfont so long as someone else was standing the drink”.

Рассказ Men at Work содержит три примера макроконтестуальной иронии. “And now that the London theatres were most of them closed, *he was no longer taunted by the sight of other men’s success*” – главный герой мечтал стать драматургом, но из-за военного положения не мог работать в театре; однако теперь, когда все театры позакрывали, успех других не ранит его. “*No teaspoons had been supplied in the Ministry after the initial loss of six thousand in the opening months of the war*” – в опасное военное время персонажей еще волнуют такие вещи, как чайные ложки. “To send a minute to anybody else in the great building and to receive a reply took at least twenty-four hours: on an urgent matter an exchange of three minutes might be got through in a week. *Time outside the Ministry went at quite a different pace*” – в этом абзаце автор высмеивает проблему государственных учреждений, в которых всё делается слишком медленно.

В рассказе Special Duties ирония иллюстрирована тремя примерами. Первый пример описывает пристрастие жены главного героя, мистера

Ферраро, к алкоголю: “His wife <...> obeyed strictly the dictate that one should live every day as if it were one’s last. For this reason her wing for the last ten years had invariably housed some Jesuit or Dominican priest *with a taste for good wine and whisky*”. Второй пример связан с первым и продолжает его мысль: “There had been a time when Father Dewes’ predecessor made an attempt to bring Mr. and Mrs. Ferraro into a closer relationships, but he had desisted when he realized <...> how on few occasions when Mr. Ferraro dined with them <...> *an inferior claret was served and no whisky was drunk before dinner*”. Таким образом, складывается весьма яркий и ироничный образ миссис Ферраро и ее фаворитов. Третий пример высмеивает самого мистера Ферраро и его подозрительность: “He <...> was accustomed to make unexpected checks <...> *Even his doctor had to submit to a sudden counter-check from a rival consultant*”. Здесь ирония строится на грубом преувеличении.

Один из героев рассказа The Destructors хочет с иронией произнести “*My dear Trevor old chap*”, вспоминая при этом «гносавого актера из здешнего театрала», однако не делает это, чтобы не выставлать Тревора посмешищем.

Мальчик Фрэнсис, герой рассказа The End of the Party, не хочет идти на вечеринку, где над ним будут смеяться другие дети, и надеется, что Бог пошлет ему спасение: “He might cut himself or break his leg or really catch a bad cold. *God would manage something*”.

Главный герой рассказа The Innocent в последних абзацах находит собственное послание девочке тридцатилетней давности и осознает, насколько смысл послания для него изменился спустя столько лет. В этом рассказе есть еще один пример макроконтестуальной иронии, и он заключается в том, что подруга главного героя, Лола, недовольна местом, куда они приехали отдохнуть, и не знает, что в эту же минуту герой вообще не хочет, чтобы она была там с ним.

В рассказе The Second Death главный герой иронизирует над матерью друга: “«It’s for my poor son,» she said. That meant that he was ill. *When he was*

well I never heard her say anything better than «that dratted boy»». Ирония в этом примере создается путем грубого преувеличения.

Ирония в **мегаконтексте** в произведениях Грэма Грина является наиболее частотной. На протяжении всего рассказа A Day Saved читатель вместе с рассказчиком наблюдает за незнакомцем, который об этом не знает.

Главная героиня рассказа A Drive in the Country дважды попадает в ситуации, которые автор высмеивает: сперва она хотела сбежать из дома и уехать со своим парнем, чтобы найти счастье, но едва не умерла из-за того, что для ее парня счастье – в двойном самоубийстве. Ее также раздражала привычка отца всё проверять и перепроверять в доме по несколько раз, однако после случившегося с ней девушка прониклась его идеей безопасности и поняла, как это важно.

Герой рассказа A Little Place Off the Edgware Road панически боится живых мертвецов – умерших людей, тела которых не разлагаются, а продолжают существовать; он видит их в своих кошмарах, и пытается скрыться от этого ощущения на сеансе в кинотеатре. По иронии судьбы, именно там он и встречается с одним из живых мертвецов.

Рассказ Across the Bridge весь наполнен мегаконтекстуальной иронией – агенты, которые ищут мистера Кэллоуэя, то общаются с ним несколько минут, не подозревая, с кем говорят, то раз за разом лишь на пару минут опаздывают туда, откуда мистер Кэллоуэй только что ушел, и не успевают его поймать.

Название рассказа Alas, Poor Maling само по себе является примером иронии в мегаконтексте, поскольку автор вовсе не считает Мэйлинга бедным, а лишь иронизирует над его «проблемой». Здесь ирония строится путем антифразиса.

Ситуация в рассказе Brother показывает главного героя как человека, который боится и презирает «красных» – революционеров; однако, когда их убивают, он набрасывается на убийц со слезами, понимая, что чувствует с «красными» родство.

Чарли, главный герой рассказа I Spy, в первых абзацах делится с читателем откровением, что не любит своего отца и презирает его; только в конце он осознает, что был не прав, и хочет сказать отцу, что любит его, но уже поздно.

В рассказе Jubilee автор высмеивает желание мистера Челфонта обхаживать женщин с «вполне определенной целью», когда тот попадает в ловушку, встретив Эми и оказавшись ее «целью» и мстью всем ее бывшим кавалерам.

Название рассказа Men at Work является примером мегаконтекстуальной иронии, поскольку с помощью антифразиса автор высмеивает все действия, происходящие в рассказе – действия, которые принимаются героями за важную, серьезную и ответственную работу, хотя на самом деле таковыми не являются.

В рассказе The Blue Film мы можем наблюдать два примера иронии: Картер ведет свою жену в кинотеатр, где показывают фильмы для взрослых, и внезапно в одном фильме видит себя тридцатилетней давности; это заставляет его вспомнить о единственной женщине, которую он любил. Он также думает о том, что не любит свою жену и желает ей смерти; жена об этом не подозревает.

Главный герой рассказа The Innocent после долгого отсутствия приезжает в то место, где родился, и на него накатывает ностальгия; ему кажется, что девушка, приехавшая с ним, не подходит этому месту, и ему жаль, что он взял ее с собой. Однако потом он находит собственную записку, которую написал, еще будучи мальчиком, и понимает – он так изменился, что сам теперь не подходит этому месту, и его девушка уже не кажется здесь «out of place».

В рассказе The Second Death главный герой не верит, что его друг умирает – не верит ни его матери, ни ему самому, думая, что другу приснился сон, и он сам себя убедил в своей болезни; однако, пока он пытается успокоить друга, тот на самом деле умирает.

Мегаконтекстуальная ирония в рассказе The Case for the Defence заключается в том, что преступника, убившего женщину и освобожденного в суде, на глазах у свидетелей сбивает автомобиль. Этот пример также подходит под определение ситуативной иронии, о которой будет сказано в следующем параграфе; комбинирование мегаконтекстуальной и ситуативной иронии является характерной чертой творчества Грэма Грина. В рассказе The Hint of an Explanation ирония в мегаконтексте также является одновременно и ситуативной, поскольку главный герой повествует, что в детстве ненавидел мессу, однако из-за истории, произошедшей с ним, стал священником.

Мегаконтекстуальная ирония в рассказах The Destructors и When Greek Meets Greek является одновременно и драматической, что тоже может быть выделено как характерная черта рассказов Г. Грина. Совмещая эти два вида иронии, автор добивается особой выразительности в передаче своих мыслей. Когда дом Старого дохляка из рассказа The Destructors разрушают, сам хозяин дома даже не подозревает об этом, находясь в отъезде; он узнает это лишь в конце, тогда как читатель наблюдает за развитием событий с самого начала; а в рассказе When Greek Meets Greek мистер Драйвер обманывает мистера Фенника, а мистер Фенник, в свою очередь, обманывает мистера Драйвера, однако сами они об этом не знают – ложь известна только читателю и молодым родственникам обманщиков. Позже родственники сами лгут Феннику и Драйверу, и читатель снова в курсе происходящего.

Рассмотрим иронию в **микроконтексте** в рассказах Сомерсета Моэма. Как и предыдущие авторы, С. Моэм использует этот вид иронии реже всего.

В рассказе Louise главная героиня использует окружающих в своих целях, играя на их жалости к себе, но притворяясь при этом великодушной. Даже умирая, как она считает, по вине своей дочери, она якобы великодушно прощает ее: “She died *gently forgiving* Iris for having killed her”. Здесь ирония строится с помощью приема повторения слов персонажа (в данном примере с помощью повторения мыслей).

Рассказ Princess September приводит два примера иронии в микроконтексте. Так, первый пример рассказывает о королевских попугаях, которые могли петь “God save the King” и “Pretty Polly” “in no less than seven Oriental languages”. Второй пример иллюстрирует диалог между сестрами-принцессами: “But if he won’t eat, he’ll die” – “That would be *very ungrateful* of him”.

В рассказе Sanatorium автор иронизирует на тему отношения шотландцев к англичанам через фразу “She’s English, but *not a bad girl*”; это является примером употребления иронии в микроконтексте. Здесь ирония строится с помощью грубого преувеличения.

Один из персонажей рассказа The Closed Shop произносит фразу “Divorce is our *staple industry*”, что показывает ироничное отношение автора, выраженное в контексте слова.

Перейдем к рассмотрению иронии в **макроконтексте** в рассказах Сомерсета Моэма. Этот вид иронии является наиболее распространенным у автора и самым частотным среди всех рассмотренных в этом исследовании видов у всех рассмотренных авторов. Количество примеров макроконтекстуальной иронии у С. Моэма вдвое превышает количество примеров этого вида у остальных двух авторов.

Примеры иронии в рассказе A Friend In Need принадлежат к макроконтексту. Сначала автор показывает, что Бертон относится к Ленни с иронией и считает, что тому потребуется в два раза больше времени, чтобы хоть чему-то научиться – он просит Лени, которому тридцать пять, прийти и попросить работу через еще тридцать пять лет: “I’m afraid I can’t do anything for you just yet. *Come back and see me in another thirty-five years*, and I’ll see what I can do.” Здесь ирония строится на грубом преувеличении. Далее автор показывает собственное отношение к людям вроде Бертон, который позволил человеку умереть, просто потому что у него не было свободных вакансий в офисе: “When you made him that offer of a job, did you know he’d be drowned?” – “*Well, I hadn’t got a vacancy in my office at the moment*”.

Примеры иронии в рассказе Flotsam and Jetsam являются макроконтекстуальными; за ужином Гранж знакомит Скелтона со своей женой, онижимают руки, и Гранж не знает, что Скелтон и его жена разговаривали с утра в его отсутствие. Во время этого разговора жена Гранжа рассказала Скелтону, что вышла за него, потому что боялась остаться бедной после того, как потеряла работу актрисы в театре; в итоге она всё-таки оказалась бедной и нелюбимой женой, к тому же заработала нервные тики и превратилась в старуху в возрасте сорока лет.

В рассказе French Joe автор по-доброму иронизирует над персонажем и его любовью к драматизму; когда другой персонаж спрашивает Джо на смертном одре, мог бы он что-нибудь сделать, Джо отвечает: “I want nothing, I only want to die. <...> *But meanwhile I should be grateful for a packet of cigarettes.*” Ирония строится на грубом преувеличении.

В рассказе Louise макроконтекстуальная ирония проиллюстрирована четырьмя примерами. “He gave up the games he excelled in, because *by a coincidence she had a heart attack whenever he proposed to leave her for a day*” – в этом отрывке автор показывает то, как Луиза манипулирует людьми, превращая это всё в чистую случайность. Когда муж умирает, Луиза продолжает играть свою роль: “Louise was inconsolable, *it was wonderful that she managed to survive the shock*”. Автор продолжает с иронией описывать поведение Луизы, которая «едва пережила» смерть мужа, но продолжает веселиться: “For the next two or three years Louise managed, *notwithstanding her weak heart, to go beautifully dressed to all the most lively parties, to gamble very heavily, to dance and even to flirt with tall slim young men*”. Во всех этих примерах автор использует грубое преувеличение и антифразис для создания иронии. Еще один пример макроконтекстуальной иронии в этом рассказе выражается в том, что рассказчик, не веря словам Луизы о том, что она умрет от одиночества, если выдаст дочь замуж, уговаривает ее это сделать, и Луиза действительно умирает.

Мистер Келада, главный герой рассказа Mr Know-All, является всезнайкой и любит проявлять свою эрудированность; автор иронично описывает его поведение в обществе: “For the better part of an hour then *he had us at his mercy*. He knew everything better than anybody else... The possibility that he could be mistaken never occurred to him. *He was the chap who knew*”. Здесь ирония строится с помощью приема повторения слов (или, точнее, мыслей) персонажа.

Еще одним примером иронии в макроконтексте в этом рассказе является то, что после одного инцидента читатель понимает, что мистер Келада соврал ради мисс Рамзи, которая изменяла мужу.

Рассказ Princess September наполнен примерами макроконтекстуальной иронии. Так, у короля и королевы было девять дочерей, и каждую они называли в честь месяца. Объясняя причины подобного поступка, автор показывает свое ироничное отношение к недалекости королевы через следующий отрывок: “The King and Queen of Siam had many daughters, and the Queen said that *it confused her to have to remember so many names*”. Также автор показывает отношение короля к своим советникам через сравнение их с попугаями: “I do get tired of hearing those parrots say ‘Pretty Polly’.” - “They say it in seven different languages.” - “It reminds me too much of my Councillors. *They say the same thing in seven different ways and it never means anything in any way they say it.*” В обоих примерах ирония создается с помощью грубого преувеличения. Еще одним примером иронии в макроконтексте в этом рассказе является тот факт, что, когда принцессы пытаются убедить сестру отпустить попугая на волю, читатель знает, что они обманывают ее из-за своей зависти и злобы.

Один из персонажей рассказа Sanatorium, Генри Честер, рассказывает своим друзьям, что он всегда вел здоровый и тихий образ жизни, и по иронии судьбы именно он заболел туберкулезом и был при смерти.

В рассказе The Colonel's Lady автор иронично описывает одного из персонажей, показывая через это описание свое отношение к стандартам того

времени: “He was a tall, robust fellow, with a boisterous manner and a jovial laugh, which suggested that he liked to be looked upon essentially as a sportsman and a good fellow and *only incidentally as a lawyer*”.

Рассказ The Closed Shop наполнен макроконтекстуальной иронией – он содержит десять примеров. Так, автор иронизирует на тему политической корректности, не называет страну, хотя всё и так становится понятно: “Nothing would induce me to tell the name of the happy country... but I see no harm in admitting that *it is a free and independent state on the continent of America*”. Создавая образ страны, автор иронично награждает каждого персонажа оружием: “Various secretaries at little tables, in their shirtsleeves and *with a revolver on each hip*, were busy typing. One or two other young men, *heavily armed*, were lying on sofas... The president, *with a revolver in his belt*...” Здесь ирония создается с помощью грубого преувеличения. Продолжая говорить о политике, автор иронизирует на тему главного героя и того, как он относится к своей позиции: “A president who respects himself and his oath of office cannot promulgate a law, even if it is to his own interest, *without adhering to certain forms*”. Сам главный герой также описывается с иронией: “The new president was a hefty young man in the early thirties who... had risen to his present exalted station by a natural eloquence and *an effective use of his gun when he wanted to make a point or emphasize a statement*”. Здесь автор также использует грубое преувеличение для создания иронического эффекта. “He was *very unfortunately* hanged on a lamp-post in front of the cathedral that was *not without dignity*”, подводит итог автор, завершая ироничный образ президента. В этом рассказе автор также иронично отзывается об институте брака. Так, говоря о желании женщины выйти замуж, он пишет: “She had a feminine weakness for marriage. He was not the man to refuse a pretty woman *the gratification of her whim*”. Когда в описываемой стране вводят закон, что развестись можно только через месяц после свадьбы, мужчины расстраиваются, что не смогут играть в гольф целый месяц: “It is reasonable enough to suppose that many a man will hesitate to divorce his wife when he can

only do it *at the cost of a month's golf*". Здесь вновь используется грубое преувеличение для создания иронии. В итоге граждане страны просят сократить это время до сорока восьми часов: "There were many complaints that thirty days was a long time and more than one impatient young thing asked her lawyer *why they didn't put a little pep into their law and do the whole job in eight and forty hours*". Все вышеперечисленные примеры показывают отношение автора к тому, как брак приобретает всё меньшее значение в сообществе. С другой стороны, недовольство законом о месяце ожидания высказывают хозяйки борделей, бизнес которых начинает идти на спад, так как их публичные дома перестали иметь клиентов: "We have always been *respectable... now that the fruits of our labours* should be snatched away from us... We may just as well *shut up our beautiful houses*". Здесь автор иронизирует о том, каким благородным они выставляют свой труд, а также на тему того, что это единственный минус в подобном законе о разводе, который они видят. В итоге президент меняет закон, и эта нелепая поправка в нелепом законе якобы приносит процветание в страну и решает проблемы хозяек борделей: "The law was briefly amended and, whereas *prosperity continued to pour its blessings on the wide and sunny capital of this free and independent state... Carmencita's two daughters completed their expensive education in the convent at New Orleans, and La Gorda's son successfully graduated at Harvard*". В этом отрывке автор иронизирует на тему того, как в государстве решаются проблемы, и на чье благо это решение направлено в первую очередь. Автор создает иронию с помощью грубого преувеличения.

Главный герой рассказа The Consul становится объектом для иронии автора дважды. Сперва автор иронизирует над тем, что консул считается кротким и тихим человеком по определению, но при этом имеет скверный нрав: "He was a mild-mannered man, but for no reason... *he very nearly sacked the Eurasian clerk because he had wrongly spelt two words in a letter... Because his boy did not bring them at once he abused him roundly*". Здесь автор использует прием явного противоречия для создания иронии. Автор также

показывает свое отношение к недобросовестности консула: “He was a conscientious man and he could not persuade himself to leave his office before the clock struck four; *the moment it did he jumped up and called for his hat and stick*”.

Один из героев рассказа The Escape, опасаясь помолвки, сбегает от своей любимой в кругосветное путешествие длиною в год, надеясь, что она забудет про него; однако, когда он возвращается, она по иронии судьбы встречает его на пристани. В этом рассказе автор также показывает свое отношение к любимой другого персонажа через ироничное предложение “She never had a little lamb *but it was sure to die*”. Для создания иронического эффекта автор использует антифразис.

Повествователь в рассказе The Promise с иронией описывает свою забывчивую и всегда опаздывающую жену, которая сваливает вину за опоздание на часы: “My wife tells me that she can wear neither a turquoise nor a watch... for the watch stops. I sometimes think *the watch might go if she wound it*”. Автор использует прием преуменьшения для создания иронии.

Главный герой рассказа The Taipan описывается автором с иронией через его отношение к окружающим: “Though he had been so long in China he knew no Chinese, and he asked the coolies in English whose grave they were digging. They did not understand. They answered him in Chinese and *he cursed them for ignorant fools*”.

В рассказе The Three Fat Women of Antibes автор иронизирует над особенностями дружбы трех женщин. “What she liked about Beatrice Richman and Frances Hickson was that they were both so much fatter than she, *it made her look quite slim*” – в этом отрывке показывается неискренность их дружбы и женской дружбы в целом. Для создания иронического эффекта автор использует прием контраста, сравнивая внешний вид подруг. Он также показывает, что для дружбы им не так уж много нужно: “Never were three women greater friends. They would have been independent of anyone else *if they had not needed a fourth at bridge*”. Еще в одном примере раскрывается ирония автора к тому, как женщины относятся к своему внешнему виду и лишнему

вещу: “Arrow got down to eleven stone and felt just like a girl; Beatrice and Frank *by standing in a certain way* just avoided the thirteen”.

Автор иронизирует над главным героем рассказа The Verger, показывая в макроконтексте его отношение к другим людям: он неплохо относился к новому викарию поначалу и благосклонно смотрел на его ошибки; когда викарий уволил его с должности, он решил, что он терпеть не мог викария с самого начала.

В рассказе The Voice of the Turtle автор показывает свое ироничное отношение к оперной певице через несколько примеров макроконтекстуальной иронии. Так, он высмеивает ее желание выглядеть иностранкой: “she claimed to be a Hungarian, but her English was perfect; she spoke it with a slight accent (*when she remembered*)”, а также ее любовь к драгоценностям в следующих двух отрывках: “she wore a number of expensive-looking rings, and on her left arm diamond and emerald bracelets from the wrist to the elbow. *Two or three of them were certainly real*”, “except for a few rings, a pearl necklace, a couple of bracelets, and a diamond brooch at her waist, *she wore no jewelry*”. Здесь ирония создается с помощью антифразиса и преуменьшения. Также характер певицы высмеивается через слова рассказчика о том, как она проспала весь концерт Бетховена, но потом рассказывала всем, концерт так ее впечатлил, что ночью она не могла сомкнуть глаз. Рассказчик заявляет: “I could well believe she would lie awake, for she had had so sound a nap during the Symphony that *it could not but interfere with her night’s rest*”.

Ирония в **мегаконтексте** встречается в рассказах Сомерсета Моэма реже, чем предыдущий вид, но, тем не менее, довольно много в рамках этого исследования. В рассказе A Friend In Need мы читаем, что повествователь считает своего знакомого Бертон милым и добрым человеком, который и мухи не обидит; к концу рассказа мы понимаем, что повествователь заблуждается – Бертон в качестве помощи своему однофамильцу дает ему заведомо смертельное задание. В этом рассказе иронично также то, что

Ленни приходит за помощью, поскольку находится на грани суицида; и, тем не менее, он всё равно умирает в процессе выполнения данного ему задания.

Рассказ A Man From Glasgow повествует о британце, который считал, что у него на родине, в Глазго, плохая дождливая погода. Иронично, что после нескольких лет работы в Эсике, где всегда стоит ужасная жара и не бывает дождей, британец мечтал лишь о том, чтобы вернуться домой и окунуться в прохладный влажный климат.

Мегаконтекстуальная ирония в рассказе Lord Mountdrago связана со снами лорда, которые снятся одновременно ему и другому человеку, что сводит его с ума. Будучи на грани суицида, лорд приходит к психотерапевту, чтобы тот помог ему справиться со снами; однако врач не только не помогает ему, а наоборот доводит до самоубийства. Тот факт, что врач пытался отговорить лорда убивать во сне того второго человека, а лорд поступил вопреки его словам, также является примером иронии в мегаконтексте.

Читая рассказ Louise, читатель через автора понимает, что главная героиня Луиза – врунья и притворщица, но остальные этого не замечают и прикладывают все усилия, чтобы облегчить ей «последние» годы жизни.

Ирония в мегаконтексте в рассказ Mabel заключается в том, что главный герой на протяжении всего рассказа пытается скрыться от Мэйбл, потому что боится жениться на нее; когда они наконец встречаются, Мэйбл говорит, что она боялась выходить за него, но всё же заставляла себя следовать за ним.

На протяжении всего рассказа Mr Know-All повествователь с неприязнью относится к мистеру Келада, однако в конце меняет свое мнение об этом человеке после того, как мистер Келада совершает благородный поступок.

В рассказе Raw Material повествователь собирает информацию о шулерах для своей книги и при этом понимает, что многие шулера – самозванцы, которые прикрываются поддельной личностью с порядочной профессией. Он долгое время общается якобы с «инженером» и «банкиром»,

пытаясь выведать у них информацию об их настоящем роде занятий; в конце выясняется, что они действительно были инженером и банкиром, и слухи о том, что они шулера, были только слухами.

Персонажи рассказа Sanatorium ненавидели друг друга на протяжении 18 лет, каждый из них ждал, когда второй умрет, чтобы занять его комнату. Когда один из персонажей умер, второй переехал в его комнату, но был так расстроен, что не мог есть, и решил вернуться обратно в свою комнату.

Главный герой рассказа The Ant and the Grasshopper упорно работал всю жизнь, словно муравей, откладывал и копил, и финансово помогал своему брату-бездельнику Тому, который, как стрекоза, всех утомил и задолжал всем очень много денег. Джордж думал, что он состарится в собственном доме, купленном на отложенные деньги, и у него будет безбедная старость, а Том умрет нищим и пьяным в канаве. А потом, по иронии судьбы, Том женился на старой женщине, которая умерла и оставила ему дом и большое наследство.

Мегаконтекстуальная ирония в рассказе The Colonel's Lady связана с полковником и его женой; так, на протяжении всего рассказа мы видим, как полковник изменяет жене, и в конце узнаем, что она тоже изменяла ему. В связанной с этим ситуации полковник считал жену непривлекательной и скучной, но оказалось, что у нее был страстный роман с мужчиной намного младше ее, чего полковник не мог даже представить. Также, когда у его жены вышла своя книга, он думал, что о книге никто не узнает, но она прогремела на всю Британию и даже Америку, сделав его жену знаменитостью.

Героиня рассказа The Consul, миссис Ю, выходя замуж за китайца, думала, что он влиятельный человек, и она будет жить во дворце и являться частью высшего общества; вместо этого ее муж привез ее в полуразвалившийся домик, где он жил со своими родителями и первой женой.

В рассказе The Dream повествователь знакомится с русским мужчиной в ресторане; тот рассказывает ему о своей жене, которой приснился сон, что

муж ненавидит и убивает ее, сбросив с лестницы. Она рассказала ему об этом сне, чтобы убедиться, что он любит ее; через некоторое время ее нашли у подножья лестницы со сломанной шеей. Мы не знаем, было ли это случайностью или спланированным убийством, но в обоих случаях ситуация является ироничной, хотя и мрачной.

Читая рассказ The Escape, читатель сталкивается с иронией в мегаконтексте, поскольку знает, что главный герой, Роджер, не хочет жениться на своей даме, а она этого не знает.

Рассказ The Facts of Life предоставляет три примера мегаконтекстуальной иронии. Так, главный герой, молодой парень, знакомится с женщиной в казино и проводит с ней ночь, а под утро, когда она думает, что он спит, она ворует его деньги и прячет их в цветочном горшке. Когда она засыпает, он достает свои деньги обратно и нечаянно забирает ее деньги, которые хранились в этом же горшке, таким образом, обворовывая ее вместо того, чтобы самому остаться обворованным. То, что женщина, не зная об этой краже, довольно разговаривает с ним утром, думая, что разбогатела, также является примером иронии. Еще одна вещь, которую в этом рассказе можно назвать ироничной, это то, что отец главного героя давал ему советы, предупреждая его не общаться с женщинами в казино, чтобы не быть обворованным; он пообщался, разбогател и стал считать своего отца дураком.

Героиня рассказа The Promise, леди Элизабет, всю жизнь изменяла своим мужьям, заводя череду любовников; по иронии судьбы, когда она по-настоящему влюбилась, она сама оказалась в подобной ситуации, когда впервые изменили ей.

Начало рассказа The Taipan показывает нам, что главный герой, англичанин, презирал Англию и не хотел возвращаться в нее из Китая, где построил бизнес, потому что в Китае он был влиятельным человеком, а мысли об Англии приносили только неприятные воспоминания; однако, когда он понял, что может умереть, ему опротивел Китай, и он захотел вернуться в Англию и быть похороненным там. Ситуация также иронична, поскольку

тайпан, гуляя по кладбищу, посмеивался над могилами своих старых знакомых, которые все до одного спились и умерли еще до тридцати лет; когда он заметил новую вырытую могилу, он весь день нервничал из-за нее, пил для успокоения нервов и в итоге сам умер от передозировки алкоголем к концу дня.

Рассказ The Three Fat Women of Antibes полон примеров мегаконтекстуальной иронии. Так, три женщины, подруги, нуждаются в еще одном игроке в бридж и зовут свою знакомую, Лену; автор с иронией описывает, как она обыгрывает их всех и забирает себе их деньги. Действие происходит в санатории, где три подруги пытаются худеть; Лена же на их глазах без зазрения совести ест все самых вкусные блюда, и при этом совершенно не полнеет. Разозленные и голодные, женщины, будучи в плохом настроении, начинают жаловаться Лене друг на друга, хотя об этом знает только читатель. Комичности ситуации добавляет тот факт, что Лена не знает, что женщины пытаются худеть; то, что после ее отъезда все три срываются, перестают думать о диете и начинают снова есть всё подряд, также является ироничным.

Главный герой рассказа The Verger не умел читать, и в начале рассказа за это его уволили из церкви, где он занимался простой работой и мало зарабатывал; тогда он открыл десять табачных магазинов и к концу рассказа заработал много денег, всё так же не умея читать.

Повествователь в рассказе The Voice of the Turtle познакомился с молодым писателем, который работал над книгой об оперных певицах. Зная одну певицу лично и видя, что образ в книге разительно не соответствует действительности, рассказчик решил познакомить писателя и певицу. По ироничному стечению обстоятельств, он добился обратного, и после знакомства писатель был убежден, что отразил образной оперной певицы в своей книге правильно и с точностью до мельчайших деталей.

Итак, мы рассмотрели примеры употребления иронии на различных уровнях языка в коротких рассказах Джеффри Арчера, Грэма Грина и

Сомерсета Моэма. Можно с уверенностью заявить, что Джеффри Арчер и Сомерсет Моэм наиболее часто используют иронию в макроконтексте, тогда как у Грэма Грина самой частотной является мегаконтекстуальная ирония. Употребление Арчером и Моэмом иронии в мегаконтексте встречается в их произведениях реже, у Г. Грина же на втором месте стоит ирония в макроконтексте. Иронические словоупотребления в микроконтексте являются наиболее редко встречающимися у всех трех авторов. Точные количественные данные о соотношении данного вида иронии у рассмотренных авторов представлены в Приложении 1 (рис. 1, 2 и 3).

2.2. Ирония в зависимости от функции в тексте

В данном параграфе мы рассмотрим примеры употребления различных функциональных видов иронии. Как уже было сказано, нами для изучения были выбраны три вида – вербальная, драматическая и ситуативная ирония. Остановимся на каждой из них подробнее.

Вербальная ирония встречается в рассказах Джеффри Арчера наиболее часто. В рассказе The Loophole ирония во фразе “He managed to include enough innuendo in the article to give a *full flavour* of what had happened” в речи выделялась бы интонацией, поскольку именно словосочетание “full flavor” выражает иронию в предложении.

В рассказе Cheap at Half the Price высказывание продавца ювелирного магазина о бриллиантовом колье с рубинами звучит так: “It’s most recent owner was an actress, whose husband’s oil wells *unfortunately* dried up”. Несмотря на кажущееся сочувствие, можно догадаться, что продавец сочувствует скорее себе и своему магазину, который лишился хорошего клиента.

Рассказ Checkmate приводит два примера вербальной иронии – “A *slight improvement* on London Transport” и заявление главного героя о

появлении прекрасной девушки не где-нибудь, а именно на шахматном турнире.

Так как вербальная ирония является базовым, основным видом иронии, под нее могут подходить практически все примеры, перечисленные в предыдущем параграфе – например, фраза “I had forgotten that *miracles are for Christians, not Jews*” из рассказа Christina Rosenthal, ремарка “She looked well set for *at least another twenty days*” из рассказа Just Good Friends, фразы про “*undressing room*”, “*elbows in odd places*”, “the overall impression *between a streetcar inspector and an out-of-work violinist*” из рассказа The Hungarian Professor; фразы “I do hope your efforts will manage to secure a place in *the first six*” из рассказа Old Love и “Oh, what *luck*” из рассказа The Luncheon, а также фразы об особняке губернатора, его рабочих обязанностях и заболевшей домохозяйке из рассказа Shoeshine Boy и фразы “What a *wonderful* excuse to spend all day in the bazaars” и “He only wanted *the simple things* in life: the sun, the sea, and an infinite supply of good food and drink” из рассказа The Steal. Множество примеров употребления иронии, особенно в микроконтексте и макроконтексте, можно отнести к вербальной иронии.

В случае с **драматической** иронией дело обстоит иначе. Она, как уже было сказано ранее, в основном находится на уровне мегаконтекста. Рассмотрим этот вид подробнее. Рассказ Cheap at Half the Price является классическим примером драматической иронии: девушка уговаривает и мужа, и любовника купить ей кольцо; и хотя они оба соглашаются заплатить только половину стоимости, в итоге продавец получает полную стоимость, а девушка получает свой подарок. При этом зритель на протяжении всего рассказа следит за действиями девушки, тогда как двое персонажей – муж и любовник – об этом не знают.

В рассказе Old Love есть лишь намек на драматическую иронию – по сюжету главные герои долгое время ненавидели друг друга, однако начали общаться из-за смерти отца героини. Когда герой предлагает ей выйти за него замуж, она отвечает, что сделает это, если он выиграет конкурс, в котором

они оба участвуют. Автор вскользь упоминает ее чувства в этот момент: “Had he realized how much Philippa *wanted him to win*, he might have slept that night”. В итоге, внимательный читатель, заметивший эту фразу, будет знать о чувствах героини к герою на протяжении нескольких страниц, и лишь потом узнает сам герой.

Примерно такая же ситуация описана в рассказе Shoeshine Boy: к губернатору приезжает адмирал, и губернатор хочет устроить пышный прием, однако у него почти нет прислуги и многих необходимых вещей. Он одалживает на один вечер столовые приборы, скатерти и даже слуг и надеется, что адмирал не узнает, что это не его люди. Читатель думает, что он на шаг впереди адмирала, поскольку он знает, какие секреты хранит губернатор. Однако в конце рассказа читатель понимает, что адмирал давно всё знал; и здесь возникает явление двойной драматической иронии, поскольку теперь читатель знает еще и то, что губернатор с женой не знают. Джеффри Арчер описывает эту ситуацию следующим образом: “So now we know he knew.” “Agreed. But did he know we knew he knew?”

Рассказ The Loophole сам по себе является ироничным с драматической точки зрения, однако понимается это лишь в конце – когда главные герои раскрывают свое истинное лицо, и читатель осознает, что всё это время они лгали; однако другие персонажи остаются в неведении.

Похожая ситуация происходит в рассказе The Luncheon, когда читатель знает, что главный герой беден, однако его спутница об этом не догадывается и спокойно обедает.

Теперь перейдем к последнему нерассмотренному виду иронии – **ситуативной** иронии. Этот вид распространен в работах Джеффри Арчера в большем количестве, нежели предыдущий, и играет большую роль. Начнем с рассказа Never Stop on the Motorway, в котором ситуативная ирония представлена два раза: первый во фразе “*Ironically*, she had chosen an Audi for its *safety features*” и том факте, что главная героиня, желая избежать аварий на дорогах, купила безопасный автомобиль и сбила на нем кошку. Во второй

ситуации ирония представлена тем фактом, что героиня не хотела останавливаться, потому что боялась, что в машине будет маньяк, однако он оказался не в соседней машине, а в ее собственной.

Главный герой рассказа Checkmate надеялся выиграть последнюю партию и получить свой приз, однако слишком увлекся и вместо этого потерял две тысячи фунтов.

Рассказ One Man's Meat... предоставляет два примера ситуативной иронии, идущих друг за другом. Сначала главный герой, с первого взгляда влюбившись в девушку на улице, бросает машину и идет за ней в театр вместо того, чтобы ехать на работу; проведя несколько часов на спектакле, он позже узнает, что его уволили за прогул. При этом, поторопившись, он паркует автомобиль в неподобающем месте и, не найдя его после спектакля, звонит в полицию, чтобы сообщить об угоне. По телефону ему сообщают, что автомобиль забрали на штраф-стоянку. Герой забирает его оттуда, однако пока он звонит на работу, чтобы узнать, что его уволили, автомобиль действительно угоняют.

В рассказе The Luncheon главный герой надеялся пообедать с богатой женщиной на свои последние деньги с расчетом на то, что она познакомит его со своим мужем, знаменитым профессором. Однако вместо этого герой узнает, что женщина давно развелась с тем мужем – теперь она замужем за владельцем ресторана, в котором они только что ели. Ирония заключается в том, что главный герой планировал взять деньги у мужа своей спутницы, а вместо этого он их отдал.

Ирония в рассказе You'll Never Live to Regret It заключается в том, что главный герой застраховал свою жизнь, но всё равно умер, пока выплачивал задолженные деньги.

В рассказе The Steal ситуативной иронией обладает тот факт, что знакомый главного героя долго торговался с продавцом по поводу ковра, желая взять самый дорогой, а не самый красивый и качественный ковер; в

итоге ему продали тот ковер, который при рассмотрении оказался в пять раз дешевле, чем начальная цена.

Рассмотрим функциональные виды иронии в рассказах Грэма Грина. **Вербальная** ирония в его рассказе A Chance for Mr. Lever заключается в уже упомянутой нами фразе “O God, don’t let Davidson be dead; let him be just *sick and glad to see me*”. Автор смеется над откровенностью главного героя, который в первую очередь думает о себе.

Рассказ Alas, Poor Maling приводит три примера вербальной иронии: “*blitz-and-pieces krieg*”, “*poor Maling*” (название рассказа) и “It wasn’t the time for delay: *a dead man couldn’t evade income tax*”.

В рассказе Jubilee описание костюма мистера Челфонта и его отношение к тостам за короля являются примерами вербальной иронии: “His neat figure was like a symbol of *good taste*; he had learned to *hold his hand* so that the *one frayed patch on his sleeve didn’t show*”, “Nobody drank the toast of the King more sincerely than Mr. Chalfont *so long as someone else was standing the drink*”.

В рассказе Men at Work примеры вербальной иронии встречаются в изобилии: это и само название рассказа, и ремарка главного героя о разном течении времени внутри и снаружи Министерства, и его радость по поводу закрытия театров. Опасная любовь короля к рекламе и прекращение поставок чайных ложек также являются примерами вербальной иронии в данном рассказе.

В рассказе Special Duties описание супруги главного героя мистера Ферраро, миссис Ферраро, и ее пристрастия к алкоголю, а также отношение мистера Ферраро к своему доктору также являются примерами вербальной иронии, как и объявление из рассказа The Basement Room, описывающее найденное в реке “*ordinary body*”.

Фраза “*My dear Trevor old chap*” из рассказа The Destructors высмеивает Тревора за счет своей негативной коннотации, связанной с «гнусавым актером из здешнего театра», что делает ее примером вербальной иронии.

А мысли Фрэнсиса “He might cut himself or break his leg or really catch a bad cold. *God would manage something*” из рассказа The End of the Party иронично показывают, до каких крайностей детей доводят их глупые страхи.

Главный герой рассказа The Second Death, думая о своем друге и его матери, замечает: “«It's for my poor son,» she said. That meant that he was ill. *When he was well I never heard her say anything better than «that dratted boy»*”. То, как меняется отношение старой женщины к сыну в зависимости от состояния его здоровья, высмеивается автором и является примером вербальной иронии.

Перейдем к **ситуативной** иронии, которая встречается в рассказах Грэма Грина реже, чем вербальная.

Повествователь из рассказа A Day Saved размышляет о бессмысленности поступка незнакомца, решившего лететь самолетом, чтобы сэкономить день. Ирония ситуации здесь заключается в том, что, сэкономив один день сегодня, незнакомец может в будущем пожалеть об этом, когда будет ждать смерти еще целых двадцать четыре часа

Примеры иронии в рассказе A Drive in the Country, описанные нами ранее, оба принадлежат к виду ситуативной иронии – в обоих случаях надежды главной героини не оправдались, и она получила из этого определенный урок.

Ирония в рассказе A Little Place Off the Edgware Road является ситуативной, поскольку случилось именно то, чего главный герой так боялся – он столкнулся лицом к лицу со своим главным страхом, живым мертвецом, причем в совершенно бытовой обстановке, что делает ситуацию еще более ироничной.

План агентов из рассказа Across the Bridge, в котором они хотели использовать пса мистера Кэллоуэя, чтобы поймать его, можно считать примером ситуативной иронии, поскольку их план сработал не так, как было задумано, и мистер Кэллоуэй умер от испуга за своего пса.

В ситуации из рассказа Brother автор иронизирует, хоть и невесело, над тем фактом, что главный герой, сперва ненавидящий «красных», понимает свою неправоту, лишь когда их всех убивают.

В начале рассказа I Spy главный герой думает о своем отце и признает, что не любит его – за нереальность, неопределенность и безразличие; однако позже, заметив в его действиях сходство с самим собой, мальчик понимает, что всё же любит отца, и хочет сказать ему об этом – однако уже слишком поздно.

Мистер Челфонт, главный герой рассказа Jubilee, совершенно неожиданно попадает в ситуацию, когда его собственный хитрый план оборачивается против него самого, что является в этом случае примером ситуативной иронии.

В рассказе The Blue Film главный герой, устав от упреков жены в том, что он никуда ее не водит, отправляется с ней в кинотеатр с фильмами для взрослых; увидев себя в одном из фильмов вместе с молодой девушкой, он вспоминает старые времена и понимает, что она была единственной, кого он любил за всю свою жизнь. Возвращаясь с женой обратно и ложась спать, он думает, что предал свою любовь.

В рассказе The Case for the Defence не совсем понятно, является ли ирония ситуативной – поскольку преступник, выпущенный на волю после совершенного убийства и тут же задавленный автомобилем на глазах у свидетелей, может и не быть преступником – возможно, на его месте оказался его брат-близнец, но об этом не знает никто, кроме автора.

Ирония в рассказе The End of the Party отнюдь не является веселой – Питер, один из главных героев, хотел помочь своему брату-близнецу и поддержать его во время страшной игры в прятки в темноте; однако, подойдя к нему и положив руку на плечо, он так сильно испугал брата, что тот умер от разрыва сердца.

Один из героев рассказа The Hint of an Explanation – священник, и в этом заключается ситуативная ирония: в конце рассказа мы узнаем, что в детстве он терпеть не мог мессы.

В рассказе The Innocent мы встречаем два примера ситуативной иронии. В первом главный герой находит послание, в котором еще в детстве он нарисовал невинную, на его взгляд, картинку для девочки, которую любил; лишь спустя тридцать лет он понимает, насколько та картинка была непристойной. Во втором примере он, прибывая в город своего детства, поначалу чувствует ностальгию, однако позже понимает, что он изменился и больше не принадлежит этому городу.

В рассказе The Second Death главный герой не верит другу, который говорит, что скоро умрет, пока тот не умирает у него на глазах.

Последний вид иронии – **драматическая** ирония – встречается в рассказах Грэма Грина наиболее редко и чаще всего совмещается с иронией в мегаконтексте, как уже было сказано ранее. В рассказе A Day Saved читатель наблюдает за тем, как рассказчик выслеживает незнакомого ему человека тайно от самого незнакомца.

В рассказе A Chance for Mr. Lever главный герой мистер Левер не знает, что заболел желтой лихорадкой, тогда как читатели узнают об этом в одном из последних абзацев.

Читая рассказ Across the Bridge, мы можем наблюдать за тем, как агенты общаются с мистером Кэллоуэем, которого ищут, но не знают, что это он, а сам мистер Кэллоуэй не подозревает, что разговаривать с этими людьми для него опасно.

Читатели рассказа I Spy знают, что Чарли спрятался в магазине отца и подслушивает его разговор с полицейскими; отец Чарли этого не знает.

В рассказе Proof Positive, читатели, следя за мыслями полковника Крэшоу во время публичного выступления, понимают, что майор Уивер намеренно издевается над публикой, произнося свою несвязную и скучную речь; однако сама публика не в курсе этого факта.

Жена главного героя из рассказа The Blue Film не знает, что она ему противна, и он думает о том, что хочет ее смерти; это известно самому Картеру и читателям.

Когда герои рассказа The Destructors разрушают дом Старого дохляка, об этом известно читателю, но не самому хозяину дома, что является примером драматической иронии.

Лола, героиня рассказа The Innocent, даже не подозревает, что ничего не значит для главного героя, что она для него всего лишь «all right», в отличие от читателей, которые в курсе этого факта.

Герои рассказа When Greek Meets Greek мистер Драйвер и мистер Фенник обманывают друг друга, не зная о вранье другого, но об этом знают читатели и, как потом выясняется, родственники лгунов.

Перейдем к рассмотрению функциональных видов иронии в творчестве Сомерсета Моэма. Чаще всего читатель сталкивается с в его рассказах **вербальной** иронией. Так, в рассказе A Friend In Need один из персонажей, Бертон, иронично отсылает своего однофамильца, Ленни, из офиса, когда тот просит помощи. Ленни говорит, что ему тридцать-пять лет, и Бертон отвечает: “*Come back and see me in another thirty-five years, and I’ll see what I can do*”. В разговоре с повествователем Бертон с долей цинизма отвечает на вопрос о том, зачем он дал Ленни заведомо смертельное задание: “*Well, I hadn’t got a vacancy in my office at the moment*”.

Ирония в рассказе French Joe заключается в том, что Джо, любящий драматизировать, сначала прикидывается умирающим, которому ничего не нужно, кроме освобождения от страданий, а потом с блеском в глазах иронично сообщает: “*But meanwhile I should be grateful for a packet of cigarettes*”.

Рассказ Louise предоставляет три примера вербальной иронии. То, что Луиза умерла, по ее мнению, из-за дочери, и тот факт, что, умирая, она простила ее за это убийство, является вербальной иронией автора, так как и автор, и читатели, и сама Луиза прекрасно понимают, что дочь невиновна, и

Луиза умерла скорее из вредности. Во фразе “*Louise was inconsolable, it was wonderful that she managed to survive the shock*”, вербальная ирония состоит в том, что рассказчик знает, что Луиза намного сильнее, чем кажется, и что муж умер по ее вине. Автор также показывает свое неодобрительное отношение к Луизе через иронию в следующем отрывке: “*For the next two or three years Louise managed, notwithstanding her weak heart, to go beautifully dressed to all the most lively parties, to gamble very heavily, to dance and even to flirt with tall slim young men*”. Здесь автор перечисляет все ее развлечения, не забыв упомянуть, что у нее якобы больное сердце.

В рассказе Mr Know-All автор, описывая мистера Келада, иронизирует: “*For the better part of an hour then he had us at his mercy <...> He was the chap who knew*”. Становится понятно, что автор так не считает, и это отношение самого мистера Келада к своей эрудированности.

В рассказе Princess September автор иронично описывает королевскую семью, показывая свое презрение к человеческой глупости. Так, король с королевой называли всех своих дочерей в честь месяцев по той причине, что “*Queen said that it confused her to have to remember so many names*”. В ситуации с попугаями автор раскрывает то, что для королевской семьи важность и значимость имело не сама информация, а ее оформления и то, насколько всё было церемониально и украшено. Это показывается через следующую фразу: “*Presently all the parrots could say ‘God save the king’ and some of them could say ‘Pretty Polly’ in no less than seven Oriental languages*”. Хотя король замечает, что порядком устал от этих попугаев: “*It reminds me too much of my Councillors. They say the same thing in seven different ways and it never means anything in any way they say it*”. Здесь автор показывает свое отношение к ситуации в политике. Вербальная ирония в реплике сестер “*That would be very ungrateful of him*” показывает неодобрительное отношение автора к этой королевской семье: сестры привыкли к тому, что, раз они принцессы, все должны вести себя так, чтобы им угодить.

В рассказе Sanatorium автор, будучи англичанином, иронизирует о том, как шотландцы относятся к англичанам: цитата “*She’s English, but not a bad girl*” является в этом рассказе примером вербальной иронии.

Рассказ The Closed Shop изобилует примерами вербальной иронии. Так, фраза “*I see no harm in admitting that it is a free and independent state on the continent of America*” является ироничной, поскольку автор подчеркивает свое отношение к преувеличенному значению политкорректности. Автор также с иронией относится к политике в целом, что показывается в следующих фразах: “*A president who respects himself and his oath of office cannot promulgate a law, even if it is to his own interest, without adhering to certain forms*”, “*The new president was a hefty young man in the early thirties who... had risen to his present exalted station by a natural eloquence and an effective use of his gun when he wanted to make a point or emphasize a statement*”. Автор также создает ироничный образ США как страны, где каждый носит с собой оружие: “*various secretaries at little tables, in their shirtsleeves and with a revolver on each hip, were busy typing. One or two other young men, heavily armed, were lying on sofas... The president, with a revolver in his belt...*”. Также автор много иронизирует об институте брака. Так, согласие жениться на даме он описывает как “*gratification of her whim*”, а развод называет “*staple industry*”. Автор показывает свое неодобрительное отношение к тому факту, что, когда в рассказе вводят новый закон о возможности развестись только через месяц после женитьбы, люди начинают возмущаться (так как под вопросом стоит целый месяц гольфа) и просят сократить этот срок (хотя бы до сорока восьми часов). Мы понимаем, что автор, считая брак более священным, чем герои его рассказа (и окружающее его сообщество), оскорблен подобными заявлениями. Его негодование распространяется также на хозяек борделей, которые недовольны этим законом лишь по той причине, что их заведения теряют клиентов. Это кажется автору еще более безнравственным. Он завершает рассказ горькой иронией о том, что страна

продолжает процветать, и проблемы жителей решаются сами собой, когда минимальный срок женитьбы сокращают еще больше.

Описание юриста из рассказа The Colonel's Lady показывает отношение общества того времени к важности определенных качеств в людях: "He was a tall, robust fellow, with a boisterous manner and a jovial laugh, which suggested that he liked to be looked essentially as a sportsman and a good fellow and *only incidentally as a lawyer*". Тот факт, что, по мнению юриста, быть спортсменом и хорошим человеком было важнее, чем юристом, показывает ироничное отношение автора к окружающим его людям.

Когда автор описывает главного героя рассказа The Consul, он относится с иронией и к его якобы мягкому характеру, который не оправдывается ни одним его действием, и к его напускной добросовестности, или, скорее, боязни наказания за неверное поведение.

В рассказе The Escape повествователь описывает любимую своего друга с его слов; во фразе "she never had a little lamb *but it was sure to die*" можно явственно увидеть вербальную иронию по отношению как к этой женщине, преувеличенно добродетельной, так и к влюбленному в нее другу, видящему в ней только достоинства.

Когда рассказчик описывает свою жену в рассказе The Promise, он говорит о ней: "My wife tells me that she can wear neither a turquoise nor a watch... for the watch stops. I sometimes *think the watch might go if she wound it*". Он говорит это с иронией, намекая на то, что она сваливает вину за опоздания на часы, которые почему-то не идут, хотя она сама забывает их завести.

Главный герой рассказа The Taipan живет в Китае не первый год и не знает китайского, но считает это нормальным; то, что китайцы, живя в Китае, не знают английского, делает их "*ignorant fools*", по словам тайпана. В этом отрывке автор иронизирует на тему высокомерного и недалекого отношения тайпана к окружающим людям.

Автор с иронией относится к женской дружбе, в особенности к дружбе героинь рассказа The Three Fat Women of Antibes. Он описывает ситуации, которые показывают, что их дружба неискренняя: “what she liked about Beatrice Richman and Frances Hickson was that they were both so much fatter than she, *it made her look quite slim*” (здесь героиня не столько привязана к своим подругам, сколько любит казаться стройной на их фоне), “never were three women greater friends. They would have been independent of anyone else *if they had not needed a fourth at bridge*” (здесь автор показывает, что единственным условием, необходимым для того, чтобы стать частью очень дружного и тесного коллектива, является умение играть в бридж). Автор также с иронией относится к тому, как женщины пытаются следить за своей фигурой: “Arrow got down to eleven stone and felt just like a girl; Beatrice and Frank *by standing in a certain way* just avoided the thirteen”. Автор высмеивает тот факт, что женщины умудряются скрадывать собственные килограммы, просто вставая в необходимую позу.

Главный герой рассказа The Verger хорошо относился к новому викарию с самого начала; однако, когда викарий уволил его, он изменил свое мнение: “Albert Edward *had never liked the new vicar*. He’d said *from the beginning* that they’d made a mistake when they gave him St Peter’s”.

Все вербальная ирония, которую автор использует в рассказе The Voice of the Turtle, призвана показать его отношение к главной героине. Так, он делает ремарку насчет ее акцента: “she spoke it with a slight accent (*when she remembered*)”, чтобы показать, что она лишь притворяется венгеркой. Автор также с юмором отзывается о том, как она носит украшения – их всегда много (“*except for a few rings, a pearl necklace, a couple of bracelets, and a diamond brooch at her waist, she wore no jewelry*”), и она скорее заботится об их количестве, чем о качестве или подлинности (“she wore a number of expensive-looking rings, and on her left arm diamond and emerald bracelets from the wrist to the elbow. *Two or three of them were certainly real*”). Эпизод, в котором певица после концерта Бетховена не могла спать всю ночь, описан

автором с долей иронии: судя по словам певицы, она не могла сомкнуть глаз, поскольку концерт тронул ее до глубины души; рассказчик же уверен, что ей помешало то, что она проспала весь концерт.

Рассмотрим то, как Сомерсет Моэм использует **ситуативную** иронию в своих рассказах. Ирония ситуации в рассказе A Friend In Need заключается в том, что Ленни, не видя иного выхода кроме суицида, пришел за помощью к своему однофамильцу, который дал ему смертельное задание; можно сказать, что Ленни в итоге и совершил суицид, только он не знал об этом. Эта ситуация иронична также по той причине, что Бертон оказался не таким хорошим и безобидным человеком, каким его считал рассказчик; узнав подробности этой истории от Бертона, рассказчик понимает, как заблуждался.

Ситуативная ирония в рассказе A Man From Glasgow выражается в том факте, что один из персонажей терпеть не мог холодную и сырую погоду в родном Глазго; однако, проведя лето в Эсике и промаявшись от жары и засухи, он стал думать о прохладном влажном климате Глазго как о спасении.

Героиня рассказа Flotsam and Jetsam, стремясь избежать нищеты и одиночества после потери работы, вышла замуж за малознакомого мужчину. Вопреки ее ожиданиям, ситуация сложилась как раз так, как она боялась – она осталась одинокой при живом муже и жила в ветхой лачуге.

Окончание рассказа Lord Mountdrago предоставляет два примера ситуативной иронии. Во-первых, доктор пытался заставить лорда извиниться перед Оуэном и не убивать его во сне, однако лорд сделал именно то, чего доктор боялся. Во-вторых, лорд в первую очередь пришел к психотерапевту, чтобы тот помог ему избавиться от снов и мыслей о суициде; несмотря на все старания доктора, в конце рассказа лорд всё же покончил с собой.

Ситуация в рассказе Louise иронична тем, что рассказчик специально решил уговорить Луизу выдать дочь замуж; он хотел доказать всем и самой Луизе, что все ее страхи умереть от одиночества – лишь притворство. Тем не менее, назло рассказчику, Луиза действительно умерла, как только ее дочь вышла замуж.

Главный герой рассказа Mabel, много лет не видевший свою невесту, понял, что не хочет на ней жениться, потому что она постарела и изменилась. Он долгое время скрывался от нее, путешествуя из страны в страну; однако она настигла его и, что весьма иронично, сказала ему то же самое, о чем думал он сам — что она боялась выходить за него постаревшего и изменившегося, но, раз она дала слово, его необходимо исполнять.

Ситуативная ирония в рассказе Mr Know-All проявляется в том, что повествователь, который с неприязнью относился к мистеру Келада и считал его хвастуном и зазнайкой, меняет свое отношение, когда эрудированность мистера Келада приносит беду миссис Рамзи, и мистер Келада желая загладить вину, совершает благородный поступок.

Повествователь в рассказе Raw Material пишет книгу о шулерах и собирает информацию для своей книги у людей, с которыми он путешествует. Он знает, что многие шулера прикрываются поддельной личностью и выдумывают себе порядочную профессию, являясь самозванцами. После того, как он, пообщавшись с «инженером» и «банкиром» и пытаясь узнать у них детали их настоящего рода занятий, узнает, что они вовсе не шулера, а настоящие инженер и банкир, он в сердцах называет их самозванцами.

Герой рассказа Sanatorium, Генри Честер, среднестатистический гражданин, вел обычную спокойную жизнь, как и большинство других лондонцев; он не путешествовал в дикие страны, не пил, ложился спать вовремя, играл в гольф, не являлся с женщинами, и всё равно именно он заболел туберкулезом, три года провел в санатории и после, скорее всего, умер. Горькая ирония в этом рассказе раскрывается еще в одном примере — так, Кэмпбелл и МакЛеод ненавидели друг друга на протяжении восемнадцати лет, постоянно ругались, и каждый из них ждал, когда второй перестанет раздражать его и умрет, освободив комнату. Когда МакЛеод умер, Кэмпбелл переехал в его комнату, но был ужасно расстроен, не мог есть и играть на скрипке и в итоге решил вернуться обратно в свою комнату.

В рассказе The Ant and the Grasshopper читатель видит ситуацию, хорошо известную из басни: один из братьев упорно трудился, копил деньги на безбедную старость и помогал другому брату, который не работал и копил вместо денег долги. Первый брат был уверен, что второй умрет в нищете и одиночестве, тогда как он сам будет хорошо обеспечен; потом он узнал, что его брат женился на старой богатой женщине, которая умерла и оставила ему в наследство дом и много денег.

В рассказе The Taipan главный герой презирает свою страну и не хочет возвращаться в нее, он хочет остаться в Китае, где у него свой бизнес; однако он меняет свое мнение, когда понимает, что может умереть – ему становится противен Китай, и он хочет вернуться на родину, чтобы быть похороненным там. Когда главный герой гуляет по кладбищу, он видит могилы бывших знакомых, которые умерли от передозировки алкоголя; он посмеивается над ними, но позже, перенервничав от мысли о смерти, он сам напивается до смерти.

Ситуативная ирония в рассказе The Three Fat Women of Antibes завязана на приезде в санаторий, где находятся три главные героини, их знакомой, Лены. В первом примере ирония выражается в том, что Лену приглашают в компанию быть четвертым игроком в бридж; предполагается веселое и приятное времяпровождение, но вместо этого Лена оказывается слишком хорошим игроком и выигрывает все деньги своих подруг. Три женщины сидят на диете, а Лена, во-первых, никогда не толстеет (что иронично), во-вторых, на их глазах есть самые вкусные блюда (что также иронично и вдобавок жестоко). Наконец, когда Лена уезжает, случается то, чего три женщины так старались избегать – они сорвались и перестали следовать диете; решение пригласить Лену обернулось для них не таким результатом, на который они рассчитывали.

В рассказе The Dream героиня увидела сон о том, как муж убивает ее, сбросив с лестницы; боясь, что он больше ее не любит, она рассказа ему свой сон. Через некоторое время ее нашли мертвой у подножья лестницы. Мрачная

ситуативная ирония здесь может реализовываться по-разному – либо это было несчастливое совпадение, либо она сама подала мужу идею.

Миссис Ю, героиня рассказа The Consul, выходила замуж с расчетом на то, что ее муж – влиятельный человек, который привезет ее жить во дворец и сделает частью высшего общества. Ее надежды не оправдались, и вместо дворца она получила полуразвалившийся дом, где кроме них двоих жили его родители и первая жена.

Ситуативная ирония в рассказе The Colonel's Lady представлена тремя примерами. Так, главный герой изменял своей жене, а потом сам оказался в такой ситуации, когда узнал, что у жены тоже имелся любовник. К тому же, он считал, что его жена выглядит непривлекательно и скучна в общении, и был очень удивлен, поняв, что любовником жены был страстный мужчина намного младше нее. Наконец, полковник узнал это из книги жены, которой он не пророчил успех и известность, однако книга приобрела огромную популярность в Британии и стала известна даже за ее пределами.

Рассказ The Escape начинается с описания того, как друг рассказчика уплыл в долгое путешествие для того, чтобы его дама забыла о нем и о помолвке, так как он не хотел на ней жениться; когда он год спустя вернулся, первым, кого он увидел на пристани, была именно она.

Герой рассказа The Facts of Life попадает в две ситуации, которые можно назвать ироничными. В первой он должен был стать жертвой кражи, но вместо этого сам украл, когда забирал свои деньги обратно и взял лишнего. Он также раньше смотрел на отца как на бога, а потом стал считать его дураком, потому что ни один его совет не сработал так, как он предсказывал – всё оказалось с точностью до наоборот.

Героиня рассказа The Promise сама попала в такую же ситуацию, в которую всю жизнь ставила других людей: она изменяла всем своим мужьям, но, когда она впервые влюбилась по-настоящему, изменили ей.

Главный герой рассказа The Verger был уволен с низкооплачиваемой должности из церкви из-за того, что он не мог читать. Тогда он открыл свой

бизнес и заработал много денег. Когда он подписывал контракт и второй человек понял, что он не умеет читать, он удивился и сказал: “And do you mean to say that you’ve built up this important business and amassed a fortune of thirty thousand pounds without being able to read or write? Good God, man, what would you be now if you had been able to?” Главный герой, понимая иронию ситуации, ответил: “I can tell you that, sir, *I’d be verger of St Peter’s, Neville Square*”.

Повествователь в рассказе The Voice of the Turtle подстроил ситуацию необходимым образом и добился при этом абсолютно противоположного эффекта: он хотел, чтобы его знакомый писатель, который пишет прекрасные вещи про оперных певиц, увидел одну из них своими глазами и понял, что оперные певицы не так прекрасны. Однако писатель только укрепился в убеждении, что все его представления были верны.

Рассмотрим последний оставшийся вид иронии – **драматическую** иронию в рассказах Сомерсета Моэма. Среди функциональных видов иронии он использует ее реже всего. Так, в рассказе Flotsam and Jetsam читатель наблюдает за тем, как мистер Гранж знакомит Скелтона со своей женой, и при этом читатель, в отличие от мистера Гранжа, знает, что они уже познакомились утром, когда его не было.

Драматическая ирония в рассказе Louise проявляется в том, что читатель понимает, что Луиза врет и притворяется о всех своих болезнях, хотя окружающие ее люди этого не понимают и искренне заботятся о ней.

В рассказе Mr Know-All читатель понимает, что мистер Келада соврал ради миссис Рамзи, которая изменяла мужу; мистер Рамзи этого не понимает.

Читая рассказ Princess September, читатель понимает, что принцессы обманывают свою сестру из зависти; сама принцесса этого не видит и считает, что они дают ей советы из лучших побуждений.

Герой рассказа The Escape, Роджер, не хочет жениться, и тянет время, ожидая, когда его невеста, Руфь, сама его бросит; Руфь не понимает этого и

начинает терять терпение, а читатель при этом видит мотивы поступков Роджера

Героиня рассказа The Facts of Life хотела обокрасть главного героя, но не была в курсе, что он видел попытку ее кражи, и не только забрал свои деньги обратно, но вместе с ними прихватил и ее собственные сбережения.

На протяжении всего рассказа The Three Fat Women of Antibes читатель наблюдает со стороны, как три женщины жалуются четвертой друг на друга и не знают об этом; читатель также в курсе того, что три женщины пытаются худеть, тогда как четвертая, не имея понятия об этом факте, у них на глазах наедается вкусными блюдами.

Итак, мы рассмотрели примеры использования функциональных видов иронии в рассказах Джеффри Арчера, Грэма Грина и Сомерсета Моэма. Исходя из вышеизложенного, нами были сделаны выводы о том, что вербальная ирония является наиболее распространенным видом, который авторы используют в своих коротких рассказах. Ситуативная ирония встречается не так часто, а случаи употребления драматической иронии еще более редки у всех трех авторов. Точные количественные данные о соотношении данного вида иронии у выбранных авторов представлены в Приложении 2 (рис. 4, 5 и 6).

Выводы по главе 2

Во второй главе мы изучили употребление различных видов иронии на материалах оригинальных текстов коротких рассказов Джеффри Арчера, Грэма Грина и Сомерсета Моэма. Интерпретация полученных результатов показывает, что употребление иронии помогает авторам в обозначении своей оценочной позиции и, в зависимости от поставленной цели, либо маскирует мнение автора, либо яснее его раскрывает. Наиболее часто встречающимися темами, подлежащими иронизированию, у Джеффри Арчера являются темы межполовых отношений и обмана, а у Грэма Грина – темы смерти и войны; у Сомерсета Моэма темы межполовых отношений и обмана также являются ведущими, но наряду с ними чаще всего встречаются темы порядочности и нравственного выбора. Таким образом, употребление иронии помогает авторам острее обозначить конфликты и свое отношение к ним. Стилистический эффект, оказываемый произведениями выбранных авторов, призван убедить читателя в правоте своей точки зрения на описываемые конфликты путем эмоционального воздействия.

По результатам проведенного исследования иронии на разных уровнях языка в рассказах Джеффри Арчера, Грэма Грина и Сомерсета Моэма можно сделать вывод о том, что наиболее часто встречающимся видом иронии являются ирония в макроконтексте у Дж. Арчера и С. Моэма и в мегаконтексте у Г. Грина, а самым редко встречающимся – ирония в микроконтексте у всех трех авторов. В зависимости от преобладающего вида иронии воздействие на читателя меняется: ирония в микроконтексте действует сразу же, давая читателю представление об авторской оценке событий или персонажей; ирония в макроконтексте позволяет сложить всю картину по частям в ходе чтения, объясняя особенности характеров или причины поступков; ирония в мегаконтексте заставляет задуматься уже после прочтения, переосмыслить поставленные проблемы, взглянуть на них с иной точки зрения, углубиться в проблемы либо шире охватить их. В Приложении

1 (рис. 1, 2 и 3) приведена сравнительная диаграмма, иллюстрирующая в процентном соотношении количество единиц иронии на разных уровнях языка, использованной в рассмотренных рассказах.

По результатам исследования функциональных видов иронии в рассказах выбранных нами авторов можно сделать вывод о том, что самым распространенным функциональным видом иронии в рассказах всех трех авторов является вербальная ирония, а самым нераспространенным – драматическая ирония; частота употребления ситуативной иронии находится на среднем уровне. В зависимости от преобладающего функционального вида иронии воздействие на читателя также меняется: вербальная ирония раскрывает отношение автора к ситуации, помогая читателю лучше понять его позицию; ситуативная ирония за счет эффекта обманутых ожиданий наталкивает читателя на переоценку событий и заставляет его делать выводы на тему того, почему поставленные цели не привели к ожидаемым результатам, и что следовало бы изменить в действиях персонажей; драматическая ирония ставит читателя в оппозицию с ничего не знающим персонажем, предлагая выбрать одну из сторон, и поддерживает интерес к происходящему за счет желания выяснить, что произойдет дальше. В Приложении 2 (рис. 4, 5 и 6) приведена сравнительная диаграмма, иллюстрирующая в процентном соотношении количество единиц разных видов функциональной иронии, использованной в рассмотренных рассказах.

По итогам второй главы можно сделать следующие выводы. Анализ и интерпретация употребления иронии, являющейся предметом нашего исследования, показали, что в коротких рассказах Джеффри Арчера, Грэма Грина и Сомерсета Моэма присутствуют как функциональные виды иронии, так и ирония на различных уровнях языка. В Приложении 3 (рис. 7) приведены статистические данные в виде сравнительной диаграммы, иллюстрирующие соотношение единиц иронии всех видов, рассмотренных в данной главе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данном исследовании мы обозначили проблему наличия и специфики иронии в коротких рассказах Джеффри Арчера, Грэма Грина и Уильяма Сомерсета Моэма. Поставленная цель, сформулированная как выявление общих и специфических типов иронии и особенностей их функционирования в рассказах авторов, достигалась путем решения соответствующих задач.

В процессе решения поставленных задач путем анализа различных подходов к изучению иронии нами были выделены характеристики и отличительные черты иронии как средства выразительности. По материалам учебников, словарей, научных статей и Интернет-ресурсов мы смогли собрать информацию о различных определениях иронии, способах ее создания, компонентах иронического высказывания, положении иронии в структуре комического. Нами были представлены подходы различных ученых от античности до современности к рассмотрению и объяснению иронии как феномена.

Проведя систематизацию информации о видах иронии и проанализировав существующие классификации, мы смогли выбрать и рассмотреть две классификации видов иронии по разному основанию. Первая классификация включала в себя иронию в микроконтексте, в макроконтексте и в мегаконтексте; основной для классификации послужил уровень текста – от слова и словосочетания до абзаца и целого текста. Вторая классификация выделяла иронию вербальную, ситуативную и драматическую в зависимости от их функционирования в тексте. В процессе описания выбранных классификаций мы объяснили причину выбора тем фактом, что данные классификации являются наиболее полными, логичными и часто встречающимися. Мы также выяснили причину существования множества классификаций видов иронии и отсутствие единой полной классификации.

Изучив характеристики и виды иронии, мы смогли проанализировать особенности употребления различных видов иронии в рассказах Джеффри Арчера, Грэма Грина и Сомерсета Моэма и обосновать их употребление в каждом из случаев. По итогам анализа рассказов каждого автора были составлены диаграммы, иллюстрирующие в процентном соотношении количество примеров иронии по каждому выделенному из двух классификаций виду, а также диаграмма, иллюстрирующая общее количество примеров иронии по всем видам у всех трех авторов.

По результатам анализа можно сказать, что в своих коротких рассказах все три выбранных нами автора в большом количестве используют иронию как средство выразительности, причем не только в каждом виде по отдельности, но и в интеграции некоторых видов. Использование каждого вида иронии обосновывается определенной целью и имеет своим результатом различное воздействие на читателя. Наличие в произведениях авторов различной тематики сделало процесс анализа более разнообразным и позволило оценивать специфику употребления иронии с точки зрения автора и в контексте его времени и нравов.

Проведенное исследование продемонстрировало актуальность изучения средств выразительности на материале массовой литературы двадцатого и двадцать первого века. Теоретической значимостью была выделена систематизация теоретических основ исследования иронии в художественной литературе, а практической значимостью мы обозначили возможность использования практических результатов исследования при изучении стилистики и интерпретации текста.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. – М.: Флинта, 2002. – 317 с.
2. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. – М.: Высшая школа, 1981. – 334 с.
3. Ермакова О.П. Ирония и ее роль в жизни языка. – М.: Флинта, 2011. – 600 с.
4. Зарецкая Е.Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. – 4-е изд. – М.: Дело, 2002. – 480 с.
5. Знаменская Т.А. Стилистика английского языка. Основы курса. – М.: УРСС, 2008. – 208 с.
6. Каменская Ю.В. Ирония как компонент идиостиля А.П. Чехова: дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2001. – 163 с.
7. Коленко О.В. Д.К. Мюкке о природе иронии. // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – № 6 (22). – С. 177–179.
8. Кухаренко В.А. Практикум по стилистике английского языка. – М.: Флинта, 2009. – 81 с.
9. Мирошник Е.К. Лингвистические средства выражения авторской иронии и их перевод // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». – 2012. – № 4. – С. 67–71.
10. Орлов М.Ю. Textoобразующая ирония в русской и англоязычной прозе: дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2005. – 169 с.
11. Осиновская И.А. Ирония и Эрос. Поэтика образного поля. – М.: Памятники исторической мысли, 2007. – 208 с.
12. Паюнен А. Понятие иронии и ее выражение на примере повести Виктории Токаревой «Старая собака»: дипломная работа / А. Паюнен, ун-т Тампере. – Тампере, 2012. – 61 с.

13. Петрова О.Г. Типы иронии в художественном тексте: концептуальная и контекстуальная ирония // Известия Саратовского университета. Серия «Филология. Журналистика». – 2011. – № 3. – С. 25–29.
14. Печенихина Е.А. Языковое выражение иронии в произведениях Ж. М. Эсы де Кейроша: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Е.А. Печенихина, Мос. гос. ун-т. – Москва, 2010. – 26 с.
15. Пивоев В.М. Ирония как феномен культуры. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. – 106 с.
16. Розсоха А.В. Ирония: история изучения и способы текстовой реализации. // Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка. – 2010. – № 2 (189). – С. 125–132.
17. Семенов И.А. Ирония как категория культуры // Аналитика культурологии. – 2007. – № 7. – С. 106–110.
18. Стилистика английского языка: учебник / А.Н. Мороховский, О.П. Воробьёва, Н.И. Лихошерст, З.В. Тимошенко. – Киев: Выща школа, 1991. – 272 с.
19. Стилистика и литературное редактирование: учебник / В.И. Максимов, Ю.А. Бельчиков, А.В. Голубева [и др.] / под ред. проф. В.И. Максимова. – М. Гардарики, 2007. – 656 с.
20. Филиппова М.М. Лексические средства номинации саркастических высказываний в английском языке // Вестник МГОУ. Серия «Языкознание». – 2009. – № 549. – С. 286–300.
21. Шилихина К.М. Вербальная ирония: аномальное или нетривиальное использование языка? // Вестник ТвГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2013. – № 2. – С. 178–182.
22. Шилихина К.М. Вербальная ирония: свойство текста или результат интерпретации? // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». – 2011. – № 1. – С. 80–85.

23. Шилихина К.М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / К.М. Шилихина, Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2014. – 399 с.

24. Шилихина К.М. Ирония в политическом диалоге. // [Политическая лингвистика](#). – 2011. – № 4. – С. 177–182.

25. Шилихина К.М. Современные теории иронии. // Вестник ТвГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2010. – № 1. – С. 228–230.

26. Andrew Nicholson, Juanita M. Whalen, Penny M. Pexman. Children's processing of emotion in ironic language. // *Frontiers in Psychology*. – 2013. – № 4. – С. 691–700.

27. Cameron Shelley. The bicoherence theory of situational irony. // *Cognitive Science*. – 2001. – № 25. – С. 775–818.

28. Raj Kishor Singh. Humour, irony and satire in literature. // *International Journal of English and Literature*. – 2012. – № 3. – С. 65–72.

29. Thomas C. Foster. *How to Read Literature like a Professor*. – New York: Harper, 2003. – 154 с.

Электронные ресурсы

30. Викисловарь. – 2014 [Электронный ресурс]. Дата обновления: 14.01.2015. URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/за_что_боролись,_на_то_и_напоролись (дата обращения: 06.05.2016).

31. Ирония: Гуманитарные науки. – год неизвестен. [Электронный ресурс]. URL: http://encyclopaedia.big.ru/enc/liberal_arts/IRONIYA.html (дата обращения 03.06.2014)

32. Irony: Wikipedia, the free encyclopedia. – 2014 [Электронный ресурс]. Дата обновления: 03.06.2014. URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/Irony> (дата обращения: 25.05.2014).

33. Types of irony. – 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://typesofirony.com> (дата обращения 30.05.2014).

Словари и справочные издания

34. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

35. A Glossary of Literary Terms / авт.-сост. М. Н. Abrams. – Boston: Thomson Learning, 1999. – 366 с.

36. The New Princeton Encyclopedia Of Poetry And Poetics / авт.-сост. Frank J. Warnke, O. B. Hardison, E. Miner. – Princeton: Princeton University Press, 1993. – 1383 с.

37. Webster's New Dictionary of Synonyms / U.S.: Merriam-Webster Inc., 1984. – 909 с.

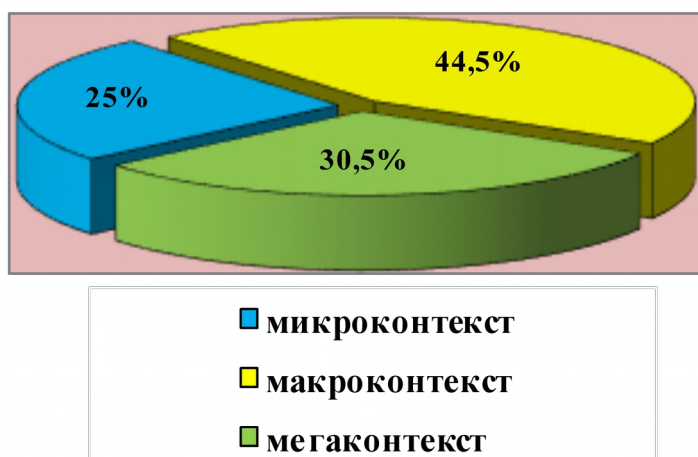
Источники

38. Archer Jeffrey. The Collected Short Stories. New York: St. Martin's Press, 2006. – 845 с.

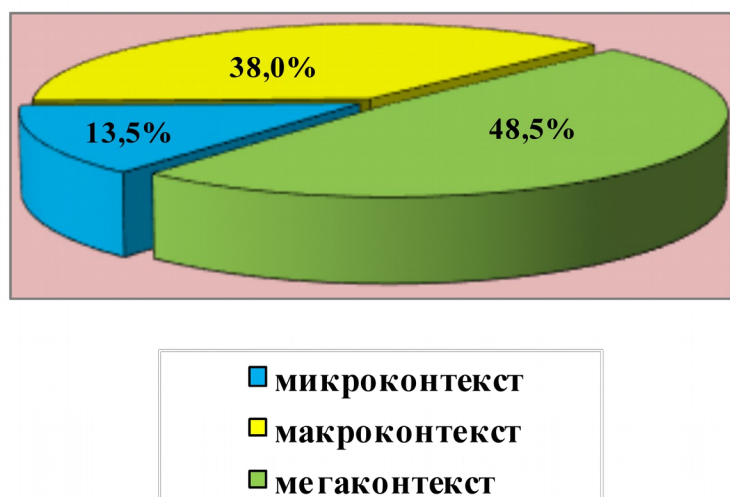
39. Greene Graham. 21 Stories. New York: Viking Press, 1962. – 256 с.

40. W. Somerset Maugham. Sixty-Five Short Stories. London: William Heinemann Limited & Octopus Books Limited, 1876. – 937 с.

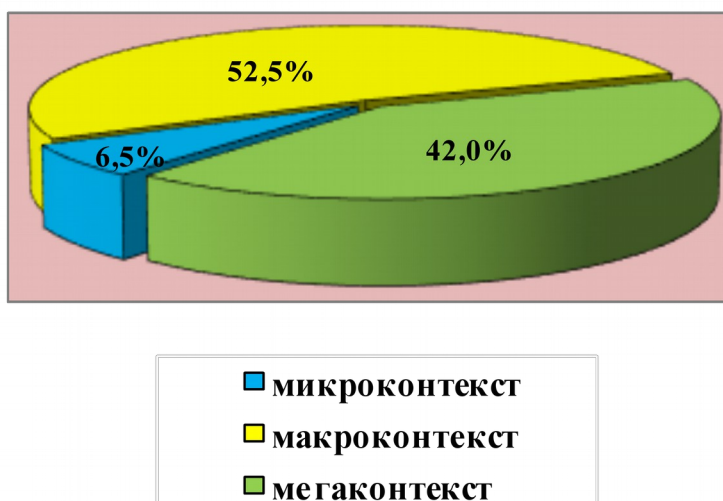
Соотношение иронии на разных уровнях
языка: Джеффри Арчер (рис. 1)

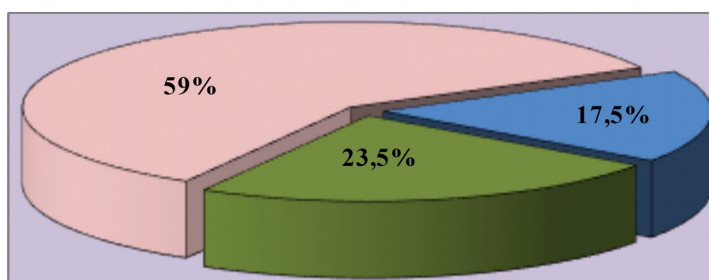
Соотношение иронии на разных уровнях
языка: Грэм Грин (рис. 2)

Соотношение иронии на разных уровнях
языка: Сомерсет Моэм (рис. 3)

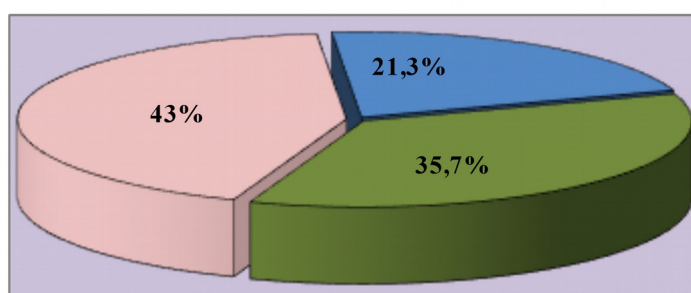

Соотношение функциональных видов иронии:
Джеффри Арчер (рис. 4)

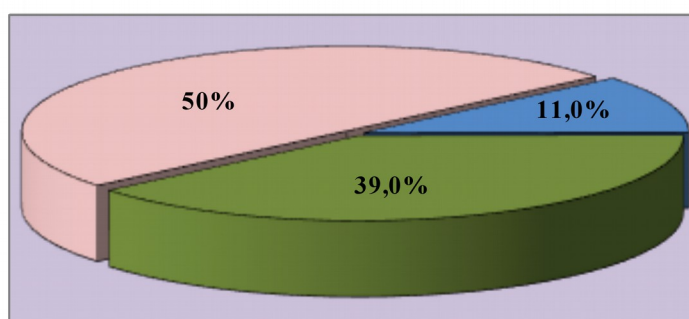
- вербальная
- драматическая
- ситуативная

Соотношение функциональных видов иронии:
Грэм Грин (рис. 5)

- вербальная
- драматическая
- ситуативная

Соотношение функциональных видов иронии:
Сомерсет Моэм (рис. 6)

- вербальная
- драматическая
- ситуативная

Сравнение частоты использования всех типов иронии (рис. 7)

